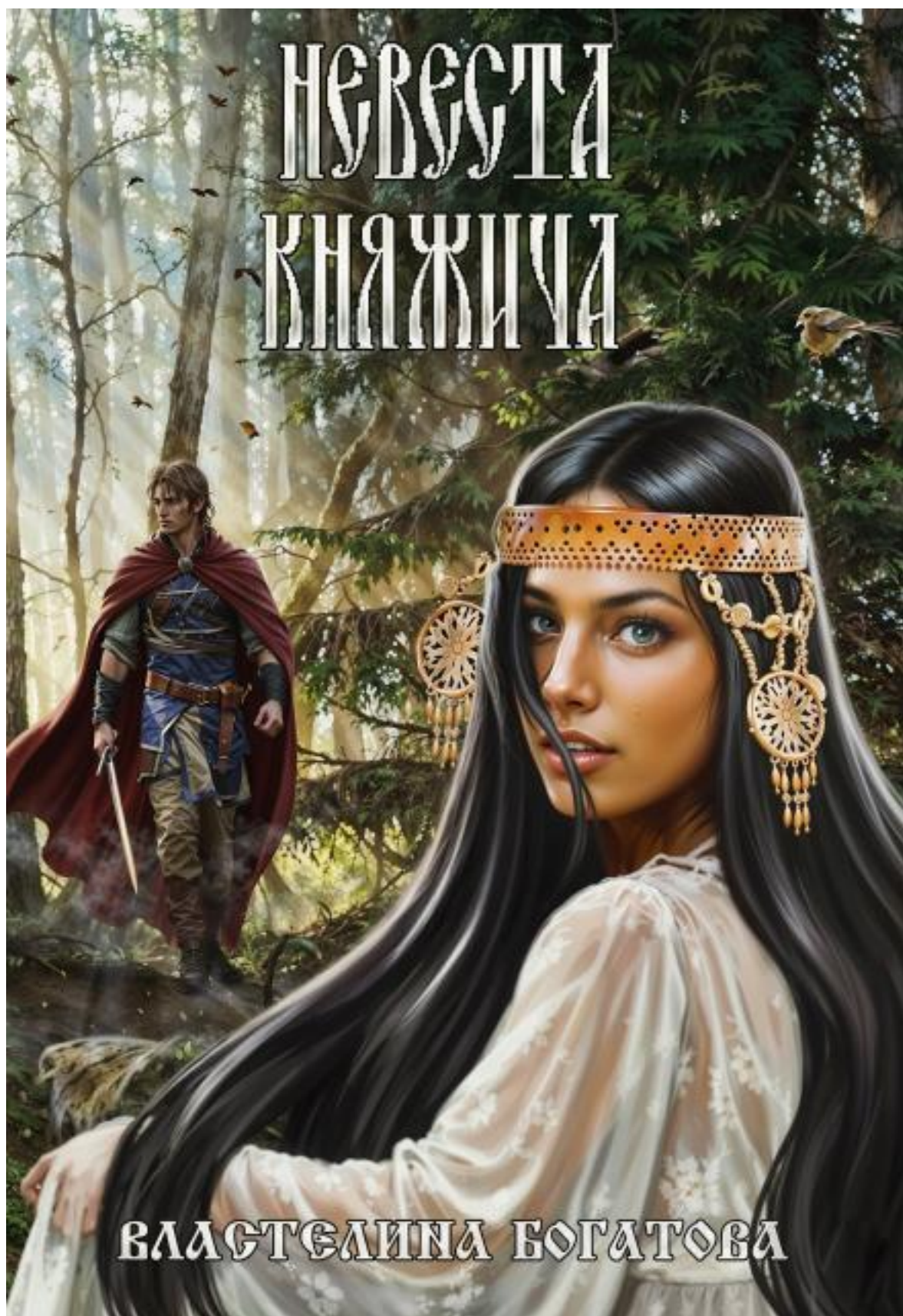

НЕВЕСТА КНЯЖИЧА

ВЛАСТЕЛИНА БОГАТОВА

Властелина Богатова

Невеста княжича

«Литнет»

2017

Богатова В.

Невеста княжича / В. Богатова — «Литнет», 2017

Владислава, дочь обавницы, спокойно жила в глухой лесной веси. Но однажды на пороге появился князь. Тут-то Владислава и узнала, что она не простых кровей, а потому должна покинуть родные земли и отправиться в городище. Девица последовала воле отца-князя, но чуяло её сердце, что неспроста он разыскал дочку родную. Вскоре Владиславе поведали, что она сосватана. Отказать бы и вернуться восвояси, да как можно, коли залог за невесту заплачен, и жених её не кто иной, как проклятый ведьмой княжич.

© Богатова В., 2017

© Литнет, 2017

Содержание

ГЛАВА 1. Саркилский князь	5
ГЛАВА 2. Прощание	11
ГЛАВА 3. Изба отшельницы	18
ГЛАВА 4. Жених и невеста	25
ГЛАВА 5. Сборы	31
ГЛАВА 6. Ожидание	34
Конец ознакомительного фрагмента.	42

ГЛАВА 1. Саркильский князь

ГЛАВА 1. Саркильский князь

На заре в лесу сказочно: молодые листочки, сбрызнутые утренней росой, переливаются в солнечном свете, рыжие стволы сосен окружают частоколом, топорщатся вокруг, привечая Владиславу, защищая. В лесу тихо и влажно, только заливисто щебечет птаха, шепчут над головой хвойные кроны. Девушка вслушалась. Нет, не понять ей говора деревьев, а ведь матушка учила... Не переняла дочь от Омелицы способность эту.

Девушка подобрала низ льняного платья, стряхивая веточки и сухую листву, ступила по мягкой, усыпанной хвоей земле, подошла к сосне бурой и, прильнув к стволу могучему, обняла. Нос защекотал запах душистой смолы. Дерево сразу приняло Владиславу, обволакивая тёплым невидимым одеялом. Матушка говорила, что в стволы вселяются души предков далёких и живут в них, оберегая людей от напастей и бед. Прислонившись ухом к шершавому стволу, Владислава застыла, всем своим существом ощущая, как сосна дышит. На сердце сделалось так хорошо, светло да чудно, что Владислава осталась подле дерева, наслаждаясь обрётённой лёгкостью, невесомостью, будто обратилась она перышком голубиным. Ещё бабка её умела перенимать силу леса да исцеляться, а матушка рассказывала, что не раз деревья спасали людей честных. Глубокие, смертельные раны затягивали, кровь останавливали, стоит лишь полежать у корней, напиваясь лесным духом. Матушка много чего знала, потому как её матушка, Владина бабка, была русалкой. А волхв Оногость говорил, что рождённые от русалок и человека дети становятся обавницами или обавниками. Вот и матушка обавница, и Владиславе переданся от неё дар.

Так и идёт он из поколения в поколение. И кто знал о том, что в роду русалка есть, силы того вдвойне превышались, а кто не знал, тот не ведал в себе никакой силы. Влада знала.

Она погладила кору, отвлекаясь от дум, зашептала тихо, едва слышно:

— Ой, Ладушка[1]-матушка, не оставь меня без любви и счастья. Благодать свою ниспосли, чту тебя и славлю. И тебя, Макошь[2]-матушка, славлю, даруй удачу...

Владиславе не хотелось выпускать из объятий сосну, однако нужно было возвращаться. Омелица-матушка спуска не даст, строга она да тверда, что камень — задержись ненадолго, другой раз не пустит погулять. А тем более, в нынешнее время беспокойное, тёмное. Лес хотя и укрывает, но молодой девушке не пристало бродить одной, когда рядом бесчинствуют душегубы — веренеги. Страшное это племя, жестокое. Но как не гулять, коли в лес так тянет? А чтобы без дела не бродить, решила Владислава грибов малость собрать. После вчерашнего дождя вылезло их целое море, от того до краёв наполнилась корзина её.

Владислава огляделась. Неподвижны деревья и кусты орешника, даже зверей лесных — и тех не видно и не слышно. Но беспокойные думы о лютых убийцах растворили былую лёгкость. Влада разомкнула руки и отступила, подхватила с земли корзину и пошла той же тропкой, коей пришла в лес. В голове, что осы, роились нехорошие мысли, всё больше поселяя в душе тревогу. Хотя и знала дочь обавницы заговоры разные на отводы глаз, и напугать знала, как, что у врага вмиг голова снежной становилась. Защищала её сила матушкина, земля родная, но всё одно — боязно перед смертельным врагом. Адли[3] их немного было бы, она бы ещё смогла заморочить головы, а коли их с десятков, то не вырваться девушке из рук стервятников. Да ладно бы стрелой пронзили или мечом зарубили, а то ведь возьмут силой — и прощай, родная сторонushка. Увезут за дали дальние, продадут задаром. И матушка, и Калогостские говорили, что девка она пригожая, хороша собой, можно сказать, первая красавица на дворе. Не обделила её Макошь ликом светлым, пригожим, станом тонким да талией узкой, многие

сравнивали с берёзкой гибкой: кожа белая, косы чёрные до самых лодыжек, а глаза зелёные, что молодая листва по весне. Ходили слухи, что Омелица-обавница[4] наворожила красоту дочке, да только сама матушка сказывала, что пошла Влада в отца своего.

Владислава вздохнула. Не видела она батюшки своего ни разу за все свои восемнадцать вёсен. Омелица ведала про него мало, можно сказать, совсем ничего, говорила только, что храбрый он и воинственный...

Стёжка становилась всё шире да приметнее, а ельник редел и светлел. Владислава несла тяжёлую корзину свою, сбивая с травинок росу, и всё тревожили её мысли разные. С самого утра в груди ворочалось нехорошее чувство, предвещая неладное. Влада вновь осмотрелась и ускорила шаг. Бережёную девицу боги берегут. Была бы она замарашкой безродной, не один тать не позарился бы. Владислава будто пожалела, что не уродилась такой. Всё же обидно становилось, что молодцы ухлёстывают за ней слепо, не видя души её. Им красоту только эту и подавай.

— А вот так, чтобы по-настоящему полюбить... — мечтательно протянула Владислава и улыбнулась глупой мысли своей. — Хотелось бы, чтобы любовь никогда не проходила и оставалась страстной и сильной всю жизнь.

Она подняла голову к небу, почувствовала, как что-то невидимое и сильное хочет вырваться наружу, не сдержала порыв свой, проговорила:

— Пошли мне, Макошь-матушка, любовь пламенную, незакатную, крепкую, да во все дни, во всякие времена, а за то я... — Владислава запнулась, лихорадочно думая, что же поднести богине в дар взамен исполнению своего горячего желания, и, озарившись, сказала: — За это я воздвигну острог, нет, целый город и поставлю храм в твою честь! — проговорённое обещание подхватил ветерок и отнёс к макушкам, разметав по воздуху пыльные слова.

Владислава так и шла с поднятой головой по ровной стёжке, смотря в махровые кроны, ждала. Но ответа не последовало, только тишина обволакивала.

По силе Владиславе приворожить любого, кого захочет, хоть красавца-молодца, хоть самого князя, да только всё это не по сердцу ей и отвратно. Не смела она ворожить против воли чужой, счастья не будет ей от любви такой, неживой.

Владислава туго вдохнула сырой, пропитанный грибами и хвоей воздух и, пройдя ещё пару вёрст, вышла на опушку леса. Солнечные лучи озарили её маленькую фигурку, согрели. Среди буйной зелени белое платье её выглядело уж слишком приметным. Сорвавшись с места, она прытко пустилась вниз, сбегая с пригорка по траве прохладной, проносясь мимо низеньких ёлок, берёз и кустарников. И так ей тревожно сделалось, что не заметила она усталости в ногах и тяжести корзины, бежала до самого Калогоста, пока не оказалась перед чурами родными. Тут и успокоилась, пошла шагом. Дальше уже безопасно — заговорённую границу не переступят чужаки.

Поклонилась до земли древам-дедам, Владислава пошла дальше стёжкой узкой. А вскоре с холма показался высокий частокол с башенками — то был небольшой острог Калогост. Но терем её возвышался подле самой речки неширокой, примостился, будто сам по себе, с острогом не считаясь. Оно понятно, ведь хозяйка его — обавница, с простыми людьми такой не ужиться. Да и селятся чаровницы поближе к природе да к духам, к воде, к русальим заводям.

Взору Владиславы всё больше открывался родной берег. Увидела она и конёк резной, и наличники на окнах кружевные. Огромен дом её, в два жилья высотой. Однако, что это там? Столпилось людское море, народу тьма от мала до велика. Никак беда?

Заторопилась. Но не успела перейти мост, как послышался крик звонкий. Две девичьи босоногие фигурки бежали по крутому берегу. Издали лица их казались тревожны и даже напуганы. Сердце Владиславы заколотилось, так и замедлила она шаг, с трудом переставляя вдруг отяжелевшие ноги. Влада узнала своих подружек — Полелю и Купаву. Но чем встревожены они так?

Перебежав мост, подружки приблизились, едва не сбив Владиславу с ног, стали наперебой галдеть и дёргать подругу.

— Ой, Владиславааа, гости какие у нас дорогие, где же ты бродишь-то, волчица? Ты такое пропустила! — закатила глаза рыжеволосая Купава, хватая руку Владиславы и прижимая к своей груди.

— Матушка твоя кликала, звала, а тебя и нет кругом, — наморщила носик Полеля, но тут взгляд её упал на корзину с грибами.

— Да ты в лес никак ходила! — воскликнула она, вскидывая светлые брови, округляя глаза. — С ума сошла! Да кто ж тебе велел? Кто же пустил? Неужто не испугалась душегубов поганых? — сокрушилась подруга, вздорно откидывая светлую тяжёлую косу свою за спину.

Не даром называли её Полелей, потому как родилась она на поле, и волосы были её, что колосья пшеничные, а нрав весёлый и задорный. То ли дело Купава, строгая веснушчатая девица с холодными, синими, как лёд, глазами.

— Да тише ты, неугомонная! — одёрнула Купава Полелю. — Ведь услышат.

И правда, не берегу люди уже посматривали в их сторону.

— Ну и ходила, и что? — усмехнулась Владислава, — Не боюсь я ничего, да и не тронет меня никто.

Что в лес она ходила без спроса у матушки, то правда, но, если с другой стороны судить, взрослая уже, своей головой пора думать да дороги выбирать. Владислава обратила зелёные глаза на подружек и напонила:

— Кто там пожаловал к нам?

Полеля тут же откликнулась и подразнила сперва:

— А ты как думаешь, угадай?

Повисло молчание. Владислава даже не пыталась представить, кого можно встречать всей вёсю, разве только...

— Сам князь Саркильский Будевои пожаловал к нам! — воскликнула Полеля, не выдержав затянувшегося молчания, спеша похвастаться, сняла с языка предположение Владиславы.

У той так и потемнело в глазах. Удивила её новость неожиданная, и одновременно с сердца отхлынул страх. Она-то испугалась уж... а чего — непонятно. Хотя как же, ясно чего — давно матушка поговаривала, что сосватать она желает Владиславу, уже и года её подошли. Вот же трусиха, не пристало ей, дочери обавницы, страшиться женихов разных. Однако что же князю понадобилось от матушки её? Ведь гость важный был впервые на их пороге.

— Тут такое было! — продолжила Полеля, которой и знай только поболтать бы. — Дружина собралась, волхв да старейшина. Встречали князя чинно.

— Хлебом да солью, — подхватила Купава.

— А князь-то, только взором повёл и, отказавшись от застолья богатого, которое быстро собрали наши бабы Калогостские, с Омелицей уединился в тереме, — протараторила Полеля.

— Как это? — не поняла Владислава. — Что значит — уединился? — хлопнула она ресницами.

Подружки переглянулись и захихикали тихо.

Не понравилось Владе, как смеются они над ней, просмеивая её матушку, даже пусть и в шутку. Всем было известно, что обавницы могли иметь не одного мужа, и сами они выбирали себе жениха. В других землях за блудниц бесстыдных принимали... Но Владе нужен только один...

— Да не злись, — первой затихла Купава, встретив гневный взгляд Владиславы. — Но долго они уже там, о чём разговор ведут — нам неведомо.

— Омелица отчаялась тебя искать и нас за тобой послала.

— Так чего же ждать, пошли, — сказала Владислава, вырываясь из рук подруг.

А у самой в груди тревога забилась. Для чего она так нужна матушке?

Так и шагала Влада, раздумывая, не смотря в глаза горожанам, что толпились у ворот её. Они между собой переговаривались, смотрели на Владиславу. А та заметила, что многие девицы успели даже нарядиться в расшитые платья и понёвы, мужи держали в руках серебряные криницы на случай, если князь захочет испить в дорогу. Никто не осмелился окликнуть, остановить Владиславу, ведь не знали они, зачем пожаловал Будевой в их глухомань, и тревожно всей весью ожидали, когда выйдет к ним князь.

Как только девицы вступили на широкий двор, столкнулись с всадниками, которых было с десятков, не меньше. Заполонили они всю площадку хозяйскую, что вдруг тесно стало.

Владислава так и окаменела. Всё бы ничего, ведь разные гости приезжали в Калогост, да только не были те так богато нарядены: в кафтаны бархатные, сапоги кожаные с высокими голенищами, в шапки куньим мехом наружу. Как ни богат и сыт был острог, такого богатства никто из здешних не носил. Лошади не меньше нарядны: сбруи бахромой увешенные, золотыми дисками сверкают, что глаза слепит.

Княжеская свита вся как один повернулась к воротам, смеря трёх девиц суровыми, а затем вдруг разомлевшими взглядами. Между собой переглянулись и заулыбались, не сразу Владислава поняла, что могло так заинтересовать их да потешить. Обернулась. Белокурая Полеля и рыжая Купава легонько подтолкнули подружку свою к порогу, а сами давай глазками стрелять на статных молодцев, те и улыбались им.

— Ты ступай, а мы тебя здесь подождём, — шепнула Полеля, румянясь на глазах.

Купава же застенчиво опускала ресницы под взглядами витязей.

И только тут поняла Владислава, какое счастье привалило молодым да незамужним подружкам. Усмехнулась, расправила плечи и глянула на всадников, рассматривая их с большим интересом. Что и говорить, какими бы красивыми и пригожими ни были местные юноши, всё одно не под стать крепким витязям. Все широкоплечи и удалы, иные даже вовсе без бород, светловолосы и сильны. Всадники все как на подбор вооружены до зубов саблями, луками, топорами да секирами. И дивно стало от их вида Владиславе, никогда она не рассматривала так близко княжескую свиту, разве что на ярмарках в стольном городе, да и то издали.

Влада обернулась к подругам.

— Как бы вы не растерялись в выборе своём, — усмехнулась она и мерно, будто сама княжна, зашагала к порогу под пристальными взглядами витязей.

Ощущая всем своим естеством их восхищение и пристальное мужское внимание, Владислава тут же почувствовала своё превосходство, а внутри сила её женская так и возросла. Вспомнила она, насколько хороша собой. И, чтобы ещё больше раздосадовать подружек, да напомнить им злорадство их, стрельнула глазами на молодцев, приковывая к себе их внимание, так, что те зачарованно смотрели только на неё, позабыв поприветствовать, будто видели не обычную девицу, а что есть богиню Зарницу[5], напрочь позабыв о девках, что ждали у ворот.

Влада опустила ресницы, рассеивая чары, быстро высвободила их души. Теперь не позабудут они её взгляда никогда. С улыбкой прошла она за порог, стараясь не показывать, как сжимается и колотится всё внутри от волнения. Зашла в полутёмные сени, захлопнув за собой дверь. Прислонившись к ней спиной, закрыла глаза, чувствуя, как отнимаются ноги и трясутся колени. А от чего, сама не знает: то ли от волнения перед встречей с князем Будеовым, то ли... Владислава покачала головой, провела по взмокшему лбу ладонью, честно признаваясь самой себе, что хотела бы она остаться с подружками там, за дверью.

В сенях пахло овчиной и пылью. В темноте успокоившись, Влада выпрямилась и вслушалась. Из горницы не исходили никакие звуки. Пусто, что ли? Она опустила полную лесных грибов корзину на лавку, осторожно зашагала к двери на ослабших ногах, скрипя половицами. В полном молчании вошла в дверь, окинув одним взглядом залитую светом горницу, тут же выхватывая в золотистой дымке два силуэта.

Матушкин тонкий стан она угадала бы даже в кремешной тьме, по одному только дыханию. Князь Будевой стоял у окна подобно каменной глыбе, едва не подпирая макушкой потолок, так он был высок, статен и могуч. Облачён был в дорогое красно-бурое корзно[6], и цветную рубаху с вышитыми воротом и рукавами, а поверх рубахи — кольчуга из тонких серебряных колец, что переливалась чешуёй.

Омелица заметила Владиславу первая, обратив на дочь такие же зелёные, но мудрые глаза, сжала тонкие губы. У Владиславы они были пухлее, видимо не передалась ей эта черта от матери. Оно и хорошо, ведь когда матушка сжимала так губы, то сразу её лицо становилось строгим, от того и потемневшим. Нет, Омелица не была стара, её возраст как раз тот, когда женская сила достигает самого цветения. Красота её была раскрытой, полной, благоухающей, а все движения плавны и зачарованно манящи, что глаз невозможно оторвать. Матушка рядом с князем выглядела ничуть не хуже княгини, даже во сто крат лучше. От этого замечания Владислава и сама вытянулась, силясь быть под стать матушке.

— Дочка, пришла, проходи же, — выдохнула Омелица, и Владислава послушалась, вставая перед ней и князем.

Она не посмела заглянуть в глаза властителю, а только опустила голову, с ужасом осознавая, что не знает, как приветствовать владыку Саркилских земель, пробубнила под нос:

— Здравия, князь...

Молчание. Владислава растерянно моргнула, подняла глаза. Серые проникновенные очи Будевой взирали пристально, и невозможно было понять, гневается ли он, али принял кущее приветствие.

— И тебе здравия, девица красная, — пробасил Будивой, как показалось Владиславе, немного удивлённо.

И снова повисло гнетущее молчание. Владислава ощутила, как нехорошо ей вдруг сделалось, дурно: почувствовала, как ком подпирает к горлу, во рту пересохло, руки затряслись, а в глазах потемнело. Оторвав взгляд от князя, она перевела его на Омелицу, поспешила узнать важное:

— Ты звала, матушка?

— Да дочка, звала, — матушка сглотнула и только проговорила: — Собирайся, милая, с князем поедешь в город.

Горница поплыла перед глазами, не поверила Владислава ушам своим, будто ослышалась она. То ли матушка говорит?

— Как в город? Зачем?

— Не спрашивай, Влада, делай, как велю. Ступай, а я Квету и Младу кликну, они соберут тебя в дорогу, в платья нарядят да косы заплетут, еды в дорогу возьмут, да и сотрапезничать тебе надобно, с утра небось и маковой росинки не было... Иди же.

Владислава обратила озадаченный взгляд на Князя, намереваясь спросить, к чему ей готовиться, но тут же себя одёрнула — негоже позорить родную мать перед гостем знатным да показывать себя глупой растерянной курицей. Она дочка обавницы, возможно, последняя в округе, и ничто не застанет её врасплох. И сжав только руки в кулаки, Владислава почтительно склонила голову перед матерью, выразительно промолвила:

— Как скажешь, матушка, — развернулась и пошла прочь из горницы в светлицу, дабы поскорее собраться в дорогу дальнюю.

[1] Лада — славянская Богиня. Высшая творческая ипостась Родника Вселенной, это могучая энергия созидания.

[2] Макошь — славянская Богиня Судьбы.

[3] Адли — если, однако.

[4] Обавница — в переводе с древнеславянского «обавить» значит нести в мир свет и тепло. Обавница — это женщина, воплощающая в себе истинную женскую силу.

[5] Зарница — управительница зари, богиня рассвета, утренней зари, начала дня.

[6] Корзно — плащ с меховой опушкой.

ГЛАВА 2. Прощание

*Ой, не сбыться вещим гаданьям,
Вдруг проснутся дремы-преданья,
То ли былъ, то ли нет, то ли огнем скачет свет,
Ты явись в грезах сна, добрым словом. Назовись.*

Alkonost

ГЛАВА 2. Прощание

Владислава зашла в светёлку да так и застыла на пороге, обескураженно наблюдая, как Млада и Квета суется и бегают туда-суда. Таскают криницы с водой, лотки, шкатулки. Открыты сундуки, разложены вещи по лавкам: пояса, платья, рубахи, цветные ленты, височные кольца, драгоценные венцы. Влада смотрела на этот переполох и не верила в то, что скоро покинет Калогост.

Квета подхватила Владиславу за руку, подвела к скамье, посадила за стол, поставила перед носом запечённую с яблоками утицу, от которой струился пар и пахло пряно и вкусно.

- Отведай, хозяйюшка, - предложила ласково девка.

- Нет, не хочу, - отвернулась Влада.

Как тут можно есть, когда вокруг такое творится? Кусок в горло не лез. Тогда Квета убрала утицу и подвинула тяжёлое зеркало в берёзовой резной рамке. Быстро распустила длинные тёмные Владины волосы и принялась расчёсывать редким деревянным гребнем.

Владислава рассматривала своё отражение. Открылся ей уверенный разворот плеч и длинная шея. Из-за высоких скул лицо слегка овальное, с мягкими щеками. Ровный нос с узкими крыльями, чёрные брови с золотистым отливом, зелёные глаза обрамлены длинными, загнутыми вверх ресницами. Владе не понравилось, что взгляд сейчас был рассеянный. И только уста горели бардовым цветом, что корзно князя, налились краской, будто Влада целовалась долго или съела горячего варева, и губы покраснелись. Влада встряхнула головой. Расчёсанные тяжёлые волосы рассыпались по плечам, струясь по спине водопадом, отливая холодным блеском. Волосы обрамили белое лицо с тонкими чертами.

Квета отложила гребень и ловко начала заплетать длинную косу, стягивая волосы на затылке, подхватила с лавки ленты цветные. И тут Влада словно очнулась от забытья.

- Что ты делаешь? - возмутилась она, прихватывая руку Кветы. - Это зачем?

- Мне-то неведомо, хозяйюшка, матушка-Омелица наказала, - залепетала помощница.

Если девице в косу вплетают ленты, то значит, сосватана она. Но за кого? Почему матушка не разъяснила ничего? За стеной ожидал Князь Будевой. Великий Князь, чьи земли распростёрлись до самого Холодного моря и Ветходольного леса. Владислава только сейчас осознала, что неспроста всё это.

«Ох, неспроста! Чует сердце перемены великие. Только добрые ли?»

Скрипнула дверь, и в светёлку зашла статная матушка. Одним лишь своим строгим взглядом она прогнала помощниц. Квета сей же миг оставила ленты и пошла вон из светёлки. Млада быстро последовала за ней. Проводив девок взглядом, Омелица приблизилась к дочери. Владислава медленно поднялась со скамьи, встречая матушку.

«Сейчас всё и узнаю...»

Матушка взяла руки дочери в свои ладони, погладила по белой, нежной коже, крепко сжала.

- Вот и пришло твоё время... - проговорила мать и улыбнулась грустно.

Влада подняла на Омелицу полные непонимания глаза.

- Пришло время тебе всё узнать... давай присядем, - Омелица поманила дочь на лавку у стены, усаживаясь среди нарядных платьев, что девки успели собрать для Влады.

Владислава присела рядом, ожидая разъяснений.

- Князь Будевой, он... твой отец.

Влада хлопнула ресницами, пытаясь уразуметь услышанное, а внутри всё упало, и показалось, что душа на миг оставила её тело, а потом сердце быстро застучало от сильного волнения.

"Новость так новость. Ничего не скажешь".

- Но как же?.. - проронила Влада. - Почему молчала, матушка?

- Не думала, что Будевой явится в земли наши. Давняя это история... - сказала мать, погружаясь в воспоминания. - Тогда мне было столько же вёсен, сколько и тебе сейчас, - Омелица улыбнулась тонкими губами и погладила Владу по зардевшей щеке.

- Зачем князь хочет забрать меня? - спросила Владислава, не откладывая. Узнать это куда важнее.

Матушка взяла алую ленту, расправила, осторожно погладила по шёлку, да так любовно, что Влада загляделась.

- Сосватал он тебя, дочка.

Внутри Владиславы так и ёкнуло.

- Много власти сейчас у Будевоя, забот много, со всеми дружбу он ведёт и о мире со здешними князьями договаривается. Дочерей его на всех не хватает, вот за тобой и приехал. Сосватал он тебя молодому княжичу Мирославу, сыну князя Святослава, что в Кавии ныне правит. Далеко, не спорю, к самому Холодному морю путь лежит, к крепости его. Но тебе-то радость за княжича пойти, всё лучше, чем за наших деревенских, тебе - девице не простой... Будешь жить в хороминах высоких. В богатстве, при дворе княжеском.

- И со скуки помирать, - помрачнела Владислава.

Но воле князя никто не смел перечить, слово его - закон, и Владе остаётся только подчиниться. Пусть даже и отец, но кто знает, не сошлёт ли он в темницу её и матушку?

- Лес - мой дом, как же я уеду из дома своего? Там не погуляешь по полю, не забредёшь в леса. Наслышана я, что в Саркиле кругом грязь, и навоз конский прямо под ногами, а улочки настолько людны и шумны, что не пробиться вовсе. Разве будет мне радость от этого? Нет. Милее леса, лугов, да рек нет ничего. - Владислава говорила, а у самой сердце сжималось, а глазам горячо становилось. - Да и без тебя как мне, Матушка?! - воскликнула Владислава и заплакала, сама не ожидая того.

- Говоришь, как истинная обавница, и горжусь я тобой. Но будет тебе. Погорюешь и успокоишься. Всё наладится, уж мне-то ли не знать. Потом сама скажешь - а чего же плакала, слёзы проливала? Хотя, знаешь, плачь. Лучше сейчас, нежели потом. С лёгким сердцем поедешь. Ну, иди же ко мне.

Омелица обняла Владиславу, погладила по спине, сжала плечи, заговорила:

- Будевоя я нашла у острога в лесу, раненным. Его рать разбили тати, порубили всех, только князь и остался в живых. И если бы не я, так и сгинул бы в чаще лесной. Выходила его. В той избушке, у ручья которая...

Владислава помнила брошенный сруб у тихой заводи. Там ещё баня, в ней-то часто в отрочестве с подружками собирались, чтобы погадать на зелёные святки да в русалии дни, а как тати-веренеги полезли на Саркилские земли, так и ход туда накрепко позабыли.

- Будевою не знал, что понесла я, о том я не сказала ему, но меня с собой звал, в жёны хотел взять... Полюбилась я ему сильно... - матушка помолчала. - Я не пошла. Навела разлуч-

ницу, он меня и забыл. А я здесь осталась. А потом родилась ты, - погладила она по так и не заплетённым волосам Влады.

Владислава удивилась.

- Что же ты, не любила его? - посмотрела она на мать заплаканными глазами.

Матушка обратила на дочь затуманенные глаза, в которых читалась печаль глубокая.

- Обавница никогда не понесёт от нелюбимого мужчины, - сказала она севшим голосом.

- Какой ей прок от этого? Родить несчастное дитя и обречь на судьбу тяжёлую? Всяк знает, кто рождён не в любви, счастья в жизни не имеет. Путаны будут дорожки его, да туманны помыслы. Не будет знать покоя и своего места дитя, рождённое не в любви.

- Почему же тогда не пошла с князем? - называть его отцом Влада не решалась.

Матушка помолчала, а потом сказала:

- Ежели я была бы кровей знатных, то пошла бы. А так просто испугалась. Страшно было, как и тебе сейчас, но я-то одна была, и благословение мне на узы эти никто не мог дать. Испугалась княжеской знати Саркила. Как бы встретили они лесную гостью? Вдвойне было страшно, когда я носила тебя под сердцем. Вот и осталась в остроге, в глуши лесной. Но ты - другое дело, ты рядом с отцом будешь, не забывай об этом, - сказала назидательно Омелица. - Благословение даю тебе своё. Поезжай, так лучше будет. Когда рядом веренеги грабят и жгут остроги, тебе хорошо под защитой быть, девице молодой, и мне спокойнее. Увидишь город стольный. Поживёшь жизнью другой.

Омелица выпустила Владу, взяла ленту шёлковую, расправила. Перекинув косу Влады через плечо, принялась неспешно вплетать. Руки матушки как у девицы молодой, а всё потому, что трудилась матушка мало, всё больных выхаживала, а потому всегда в чистоте да с нежной кожей. Целительница из матушки сильная. Ходили к ней за помощью не только соседи, но и чужаки с дальних деревень и селений. За исцеление же благодарили её кто мешком муки, кто телегой сена, кто ягнёнка приведёт, иные, кто побогаче - купцы али воеводы - драгоценными украшениями, да тканями дорогими одаривали. На длинных, тонких пальцах матушки поблёскивали серебряные кольца с символами различными, узорами чудными зверей неведомых, выточенные кудесником умелым. Но то не в знак благодарности подарены, а в знак любви. Влада могла с лёгким сердцем покинуть матушку, ибо та жила сыто и в достатке. Да и в мужской заботе и силе не обделена. Есть у неё вдовец, кузнец Огнедар с соседней деревеньки. Подарки его сродни этих серебряных колец и носила матушка, а если носит, значит, люб ей кузнец.

- А сейчас не любишь Бudevоя? - спросила вдруг Влада разочарованно и прикусила язык. Не хотела она задавать таких вопросов, но от чего-то вдруг важно ей стало знать это.

- Люб, но это уже другая любовь, тебе пока не понять её, молода да зелена ещё, - улыбнулась матушка.

Влада не стала больше говорить об этом, всё одно, хотела она полюбить да на всю жизнь. Но теперь неизвестность ждёт её.

- Как князь узнал обо мне? - спросила Влада, уходя от тягостных мыслей.

- Так мало на земле нашей прорицателей да ведунов? От них не скроешь родничка золотого. А ты вон у меня какая сильная да красивая, тебя разве укроешь? Пошла ты силой своей в меня, да в бабуку свою, и рада я этому. А на чужих землях ты дар свой береги, никому не показывай, да не сказывай, что обавница. Скажешь - делить тебя станут... Нынче обавницы - это редкость. А для мужа большая удача получить в жёны такую деву.

- Поехали со мной, матушка! - взмолилась Влада, когда заплетённая коса упала на грудь.

Омелица занемела.

- Нет, Владислава, - сказала она, сведя брови, посерьёзнев. - Не знаешь ты, о чём просишь. Как же я поеду? У Бudevоя княгиня и дочери три взрослые. Зачем мне беду кликать на тебя и Князя? Нет, здесь я останусь. Здесь моё место. Об этом меня даже не проси.

- Ох, попросила я Макошь, а она раз - и вот так со мной поступила...

- О чём ты? - не поняла Омелица.

Владислава обратила задумчивый взгляд на мать.

- Хотела я любви сильной. Да видно не судьба мне...

Матушка засмеялась, легонько дёрнула за тугую косу.

- Рано на богиню сетуешь. Ты же не видела ещё княжича. Говорят, хороший он. Отцу Святославу помощник - и в боях с ним, и в походах. Народ за ними, как за стеной каменной. Да и мужественностью, и красотой не обижен.

- То слухи, чтобы врагов утратить да девок-невест привлечь, - наморщилась Владислава. - А сам, наверное, от горшка два вершка, кудлатый и в веснушках весь.

Матушка опять засмеялась, да так заливисто, что Владислава невольно сама стала улыбаться, и тревоги все её исчезли в раз куда-то, будто и не было их вовсе.

- Приедешь, сама всё узнаешь, - сказала она так легко и безбренно, что Владе даже легче стало. - Нарожает детушек и будешь любящей женой княжича. Будешь ты видеть силу свою в детках, в муже любимом.

- Это что получается? Я потеряю дар, коли за мужа пойду?

- Сила твоя никуда не денется, она всегда с тобой, просто может спать, а может и в любое время пробудиться, когда пожелаешь. Ты сама всё поймёшь в своё время, а пока не переживай, всё у тебя сладится.

Матушка ещё раз оглядела Владу и выдохнула:

- Ты собирайся, наряжайся. Не заставляй князя долго ждать.

- Коли отец мне, пусть ждёт, - отрезала Владислава.

Омелица улыбнулась и встала, делаясь опять серьёзной и задумчивой, тоска поселилась в её зелёных глазах то ли от того, что дочка уезжает, то ли от того, что не может поехать она с ней. Или же по ушедшей молодости загрустила матушка? То осталось неизвестным Владе.

Дверь захлопнулась. Владислава перевела взгляд на подвески разные, взяла венец с поднизями и рясами жемчужными, села подле зеркала, примерила.

- Что ж, княжич Мирослав, коли соврали люди, что достойный воин ты, высмею! - погрозила Влада отражению, будто видела не себя, а княжича. - Тогда сам меня назад отошлешь, - сказала Владислава и вдруг невольно развеселилась.

А ведь всё в её власти, и сама себе вольна она, никто не может её держать. Коли что не понравится, знает она, как выйти сухой из воды. Или она не дочь русалочьего рода, не обавница-чаровница, которая людьми повелевать и управлять может?

Когда ещё предстанет такой случай, что можно будет в полную силу испытать свои чары...

Дверь в светёлку отворилась. Вернулись Млада и Квета, принялись хлопотать вокруг Владиславы, переодевать в сорочку белоснежную, подъюбки да платье красное. Кушаками вышитыми, нарядными подпоясывать, кольцами да подвесками увешивая виски, шею, запястья, накидывая на голову кисею лёгкую, прозрачную, а сверху венец жемчужный. И теперь перед зеркалом стояло воплощение самой Лады-богородицы. А в мыслях Влада уже строила планы разные. От бабки Владислава знала, что дар можно свой стократ усилить. Должна найти дева в Купальскую ночь посох русалий и ходить с ним до тех пор, пока не зацветёт он одолень травой[1]. С ним обавница способна людскими умами управлять.

«Да только какая русалка отдаст посох свой? - Владислава закусила губу. - Это что же нужно дать ей взамен, чтобы нежить подарила посох? Разве только что жениха своего, - усмехнулась про себя, а потом не до смеха стало. - Что, если и впрямь обменять?»

Русалки только одного и хотят - среди людей жить девкой простой, смертной. Как бы от такого обмена она сама, Владислава, не стала русалкой болотной... От этой мысли мороз прошёлся по спине.

- Ни пером описать, ни в сказке рассказать, - хлопнула в ладоши Квета, восхищённо осматривая свою хозяйку, выдергивая Владу из дум сумасбродных.

- Посмотрим, будет ли княжич под стать мне, - зелёные глаза под чёрными выгнутыми бровями прожгли отражение.

«Мирослав... - проговорила про себя имя княжича Влада. - Имя достойное, но каков он сам?»

Владислава вышла в ворота навстречу ослепительному солнцу, которое щедро заливало собравшееся перед теремом обавницы людское море. А как увидели они в косе Влады ленты цветные, так и зашептались. Теперь-то воочию видели, что дочь обавницы позвал в жёны княжич, что даже сам Будевой явился за ней. А девки смотрели кто с завистью, кто с восхищением, а кто с грустью - по-разному глядели они на неё.

Влада сощурила глаза. Даже под лёгкой кисеей солнце пекло голову, так жарко было. Княжеская свита ожидала чуть поодаль вместе с князем, его багряное корзно среди белых рубаш калогостовцев выделялось, как капля крови. Сверкали мечи и секиры, да конская упряжь переливалась золотом. В сопровождении Млады, Кветы и матушки вышла Владислава к народу, подошла к старейшинам и волхвам, поклонилась в землю. Выпрямилась, выискивая взглядом своих милых подруг Полелю и Купавку, да не нашла. Тех будто след простыл.

«Неужели не сладилось с витязями, или обиделись они на неё, подругу свою?»

Влада забеспокоилась, что не попрощается с подружками, но от печали её отвлек старейшина Славибор. Он подступил к Владе, протянул дубовую резную чарочку.

- Испей в дорогу, дитя.

Влада приняла питьё. Старейшина поднял руки и произнёс:

- Счастливой дороги тебе, дочка. Пусть ветра сопутствуют тебе, Боги покровительствуют, длань прашуров оберегает, а предки хранят твой покой. Помни родную сторонку. Берега праотцов храни в сердце своём и знай, что сила их с тобой во всё время, во всякую годину. Не покинут они тебя никогда.

Славибор опустил руки. Влада облизала пересохшие губы. Тронули самое сердце слова старейшины. Поднесла она к губам чарочку и выпила сладкую сурицу[2] до дна. Согрело её питьё золотистое.

Славибор посторонился, и вперёд вышел белобородый волхв Оногость в длинной, до земли, льняной рубаше с бережной вышивкой по широким рукавам и подолу. На поясе висели гребень, мешочки, ложка, нож и разные подвески. Он снял с пояса одну из них и развернул тонкую веревочку, на которой привязан был маленький узелок, повесил на шею Влады.

- Пусть земля родная оберегает тебя в краях дальних, чужих, - промолвил волхв, но отступать не спешил. Снял со своей шеи ещё одну подвеску, на этот раз - выкованное колёсико, и надел на шею Влады. Она сразу ощутила тяжесть на своей груди.

- Благодарствую, Батюшка. Не забыть мне вас никогда, - прошептала она, чувствуя, как слёзы снова проступают на глазах, быстро отступила, поклонилась волхву и старейшине, вернулась к толпе.

Среди них и кузнец Микол со своими сыновьями Станиславом и Перко. Юнцы они удалые, крепкие, настоящими воинами будут, с ними Влада хороводы кружила... Мельник Ядрей смотрел на Владу, сведя брови, шурясь на солнце. К нему Влада каждое новолунье приходила ворожить у колеса мельницы. Ядрей всегда привечал её, угощал пирогами... Тут же и дочери коновода Чаруша и Стояна. Златокудрые сестрицы, за которыми прихлёстывали братья-близнецы старейшины Оногоста, и видно, не побывать Владе на их шумной свадьбе... Ещё много тех, кто вышел провожать дочь обавницы, видела Влада, и все они смотрели на неё, возможно, в последней раз. А ей не верилось, что она больше никогда не придёт к воротам на порог дома, не заглянет в родные глаза их. И смотрела, стараясь запомнить каждого. Как мало времени на прощание отвелось ей, так многое ещё хотелось сделать. Попировать всем острогом, в баньке попариться, с матушкой поболтать, с подружками посидеть посудачить, песни распеть, хоро-

воды девичьи покружить, поворожить, как и положено невесте. Но нет, не будет у неё этого ничего. На дороге терпеливо ждал князь, и Владе лучше поспешить.

«Но где же Полеля и Купавка? - вдруг вспомнила Влада, - Куда делись, негодницы?»

Влада хотела было кликнуть их, да сдержалась.

«Негоже, князь смотрит...»

Она беспокойно пробежала взглядом по толпе ещё раз, но так и не выискала подружек. А и ладно, может, так оно лучше будет, не так тяжело расставаться.

Владислава поклонилась калогостским и промолвила:

- И вы помните меня, добрые люди, дочку вашу и сестрицу Владиславу...

Матушка подхватила дочь под руку и повела к всадникам. Тут уж ей была готова кобыла гнедая с подпалинами белыми, и ещё две лошади вороной масти для девок Млады и Кветы. Хоть они с ней остаются.

Забравшись в седло, Влада охватила взглядом собравшихся, но взгляд её ушёл по показному берегу, по реке, поросшей рогозом, к мосту, туда, где сизой стеной темнел лес. Её родной лес, где гуляла она целыми днями самовольно, без веления матушки. Хотя та наверняка знала, что дочь по лесу бродит одна, но не показывала вида. Омелица была уверена, что с Владой ничего не случится.

Владислава перевела взгляд на Бudevоя. Тот сурово глянул на неё из-под густых бровей чёрных, но вдруг отвернулся и, надев шлем с золотым шишаком, тронул с места мерина.

«Странный он, то дочкой называет, то нос воротит», - посетовала Влада.

Часть княжеской свиты двинулась вслед за владыкой, и сердце девицы захолонуло. Матушка быстро подошла к дочери, коснулась губами белых рук. Влада склонилась и поцеловала мать в щёки, хотелось много чего сказать, но слёзы душили горло. Подивилась только Влада, что матушка её стойкая не проронила не слезинки. Наверное, чтобы дочку не огорчать...

Владислава моргнула, стряхивая слёзы, и тронула пятками гнедую, та послушно потрусила за Князем. Следом двинулись Млада и Квета, ставшие Владе попутчицами. Девке-то одной среди рати находиться не пристало. Пусть даже и сам батюшка рядом, но Владе он совершенно чужой. Вереницу завершали остальные воины.

Сердце Владиславы ёкнуло, когда до её ушей донеслись голоса. Это калогостовцы затянули песнь. Влада обернулась и замерла, белое море двинулась по тропе к мосту, среди них и зелёное платье матушки мелькнуло, но быстро затерялось. Пели девки, старики, дети и юноши, чьи голоса крепки, проникновенны, и вся она, Влада, от их голосов покрылась мурашками. Помахав рукой, она отвернулась, слушая удаляющийся напев.

У ворот береза стояла,
Ворота ветками застлала,
Туда Владушка въезжала
И верх той березы сломала.
Стой, моя березонька,
Стой теперь без верху.
Живи, моя матушка,
Теперь без меня...

Стихала обрядовая песня.

Не думала Влада, что так стремительно и скоро покинет Калогост, острог родной. А в жизни-то оно вон как случается, круто повернула её стёжка, тонка нить Судьбы, что Макошью соткана. Тонка да хрупка, в один миг может оборваться. И сжималось сердце Влады, и всё смотрела она, оглядываясь на берег родной, что медленно уплывал вдаль, пока не исчез совсем.

[1] Одолень-травы - кубышка или кувшинка, т.к. в старинном травнике сказано: "Одолень растёт при реках, ростом в локоть, цвет рудожёлт, листочки белые.

[2] Сурица - питный мёд.

ГЛАВА 3. Изба отшельницы

*Проклят день,
В кой пришёл мой тать!
Пала тень
На вод лазоревую гладь...*

Alkonost

ГЛАВА 3. Изба отшельницы

- Проклятье! - выругался Мирослав.

«Оно и есть проклятие...» - горько усмехнулся княжич. Самое что есть - чёрное, колдовское, страшное.

Кровь, что бежала из раны, залила порты и уже третий рушник, который хоть выжимай, остальные, мокрые, валялись на лавке вместе с рубахой княжича.

- Мирослав Святославович, не останавливается кровь-то, - глаза Твердоша наполнились страхом - узкое с впалыми щеками и покрытое кудрявою русой бородой лицо побелело, словно не Мирослав терял кровь, а Твердош. - Что делать? Порез пустяковый, а кровищи погляди сколько, так и вытечет кровь-то вся!

Твердош собрал рушник, отёр руку Мирослава, им же промокнул на полу лужи, промыл в ушате с водой, и та вмиг стала красно-бурой. Затем холоп выжал полотно дрожащими руками, расправил ставший серым рушник и постелил на лавке под рукой княжича.

- Не говори ерунды, принеси лучше ещё тряпок, перевязать нечем, - велел спокойно Мирослав, сильнее стягивая на плече кожаный пояс.

Клетушка поплыла и потемнела. Мирослав почувствовал, как накатывает слабость, а силы оставляют его медленно, и вот начали неметь пальцы на ногах, стало покалывать кожу, а уж про раненную руку и говорить нечего. Её Мирослав не ощущал давно, и от этого становилось не по себе.

Княжич привалился на стену спиной и закрыл глаза. Впрочем, страха он тоже не испытывал, и непонятно, почему. То ли от потери крови растворились чувства его, то ли не страшна ему смерть. Больше всего княжич опасался, что потеряет сознание и свалится на пол прямо у ног холопа.

«Почему не останавливается кровь? Боги, за что? Неужели не вступитесь, не развеете чары колдовские? Сукина ведьма. Это всё она... Да и из-за чего? Из-за пустяка ведь! Ну, побаловал с девкой её малость, и что? Не насильничал же, сама на руки прыгнула, сама на ухо слова ласковые шептала, хорошо же было ей... да и после еле прогнал с порога девку. Уходить не хотела, всё на шее висла, мурлыкала слова нежные. Так за что меня проклинать? Что под венец её не взял?!»

А материнское проклятие - оно самое сильное, и избавиться от него невозможно. Только смерть и освободит душу от муки. Прокляла ведунья Мирослава до самого последнего колена, и если будут наследники, то и на них падёт чёрное наказание...

«Жаба! Найти бы мне её да придушить. Дай только выкарабкаюсь, всё равно отыщу, к колдунам пойду, жертвы кровавые принесу, но найду!» - сокрушался Мирослав от бессилия.

Нет, он ещё не отчаялся, но находился на грани, ещё немного - и пойдёт он искать ведунью не для того, чтобы задушить её, а чтобы прощение вымаливать, спину гнуть, ибо ни на что Мирослав вскорости не способен будет.

Княжич усмехнулся, а потом предался горестным думам своим. А ведь он сначала посмеялся над словами проклятия ведуньи, когда та пришла на порог его. Посмеялся зло, прямо в лицо, а теперь весь круглогод Мирослава изводит жестокое наказание. Княжич долго искал ведунью и дочь её, блудницу бесстыжую. Искал, да не нашёл, все чащобы прорыскал, лощины да пещеры. Нет их, будто сгинули они. Ни один волхв, ни один прорицатель Ветходольного леса не увидели следов проклятых ведьм. И волхвы советовали княжичу забыть про ведунью, не искать её, силы свои не тратить понапрасну, ибо всё одно, хорошего мало, не снимет проклятие и прощение её. Слово, оно же не воробей... Уж какие обряды с княжичем не проводили, каких молитв не пели, какие заговоры не читали, каким богам не подносили дары, какие травы не испивал он, да только не ушло проклятие, не сжёг огонь, не утопила и вода. И казалось, что всё, вот она, Мара с чашей смертной, у порога, ждать только осталось, когда постучит. Но в княжество пришёл странник мудрый. Он-то и поведал Мирославу, как ему, княжичу, обхитрить смерть. Сказывал он, что есть далеко на севере один древний род русалий, от которого рождаются девицы с даром редкостным. Обавницами их нарекли люди, потому как любого они могли зачаровать, любого обольстить, обхитрить, заманить, и не только рать целую, но и тучи взглядом одним лишь растворить, ненастье отвести и беду лихую. А проклятие извести да силы злые по ветру развеять - пустяк для них. В чистоте и целомудрии сила дев этих. Но то возможно, если только полюбит дева княжича проклятого.

Святослав, отец, тут же разослал сватов по всем здешним княжествам. Гонцов отправил во все дальние веси, дабы отыскать деву редкостную, невесту-обавницу для сына своего младшего. Вот и нашёл, из глухомани дремучей, а заплатил как за царицу, пуд золота, ибо батюшка обавницы никто иной как князь Саркильский. Будевой поначалу ни за что не соглашался дочку свою признавать, княжной её делать, с другими дочерьми славу делить, потому как та внебрачная, рождённая по лихой молодости от девки простой, Омелицы. Вот и пришлось заплатить за сына своего любимого большой залог свадебный. Для кровинки ничего не жалко ему, запроси князь Будевой княжество целое - и то отдал бы отец. Больно видеть Святославу, как сын его с каждым днём чахнет на глазах и тает, будто льдинка по весне. И недаром тревожится, за всё это время Мирослав сильно похудел, что глаза одни серые и остались.

Но что-то холоп притих...

Мирослав приоткрыл ресницы. Твердош стоял на прежнем месте, подле княжича и пялился такими же напуганными голубыми простодушными глазами, какие, впрочем, и должны быть у холопа. Мирослав застонал.

«И какой леший меня заставил взять этого растопчу[1] с собой!?» - посетовал он про себя. А всё потому, что если бы Дарён узнал, что его младший братец собрался в лес, то ни за что не пустил бы его, вот и попался под руку Твердош, и Мирослав взял его разве только веселья ради.

- Ты ещё здесь. Я тебе что сказал! Живо, тряпье носи! - рявкнул княжич, так резко подавшись вперёд, что Твердош вздрогнул и отпрянул, развернулся и побежал в соседнюю клеть, бубня ругательства, досадуя, вспоминая чью-то мать, выкрикнул:

- Да нету больше тряпья, княжич! Нету! Всё кончилось.

- На улице, на верёвке висит, балован!

Гулкие шаги, доносившиеся из горницы, оборвались, и в клетки воцарилась тишина.

Мирослав посмотрел на плечо. Из распоротой раны непрерывно сочилась кровь, бурные ручейки стекали по предплечью, локтю, запястью на промокший рушник, тот больше не впитывал влагу, и лужи тёмной крови растекались по лавке, капали на пол. Действительно, Твердош прав, царапина пустяковая, а кровоточит так, будто мечом насквозь проткнули.

«Надо же напороться на сук и умереть, - усмехнулся княжич. - Глупость несусветная».

Да и сам Мирослав виноват, сдалась ему эта охота? Просто надоело ему сидеть в хоромах, что оборотень. Хотя ещё немного, и завыл бы княжич волком от безделья. Сколько можно

прозябать взаперти, словно девица красная, затворница? Воину стыдоба. Но пока на нём проклятие, на каждом шагу ждёт его смерть, а с ней шутки плохи. Ещё ладно, если настигла смерть враз, стрелой в сердце, или же молния пронзила, да что угодно! Так нет же, по пустяку всё: то лошадь ногу подвернёт, то сам Мирослав упадёт так, что кость пополам, целитель так и вовсе перебрался жить в палату княжича. Казалось, по случайности беда приключалась. Нет. Знал хорошо Мирослав, по чьей вине чёрное наказание, хорошо помнил он смех свой, а теперь хоть плачь, хоть волком вой, хоть в омут с головой, накрыло его вороновым крылом проклятие ведуньи. Несчастья и неудачи так и сыпались на его голову, что отец да брат родной старший, Дарён, в походы с собой перестали брать татя рубить. Какой же позор, уже и слух по всей Кавии и весям соседним разнёсся, что недужит молодой княжич. А Мара не спешит стучаться к нему, душу забирать, чаши смертной испить не несёт. Хоть дар преподноси ей да жертву, чтобы смирлостивилась она над ним.

Знал ли Мирослав, что, погнавшись за вепрем, налетит он на сук и умрёт от обескровливания? Нет, если б знал, ни за что бы не покинул стены города.

«Где же Твердош, вот горе луковое! Куда запропастился? Неужели сбежал, пёс трусливый?!»

- Твердош, ну ты где там?! Если сей же миг не придёшь, исполосую, - прикрикнул Мирослав, но голос его скорее проскулил, нежели грозно пробасил, и не внушил никакого страха, а только жалость.

- Иду, княжич! Иду. Вот он я, тут, - забежал Твердош взъерошенный, будто успел весь Ветходольный лес обежать в поисках тряпья.

Растяпа! Адли в руках его рубаха белёная, чья не ясно. Избу эту нашли они случайно, но только вот беда, хозяев не оказалось. Слава богам, двери нараспашку.

- Положи, - велел Мирослав. - Водой давай лучше.

Всё же портить чужую рубаху даже княжичу совестно было.

Твердош бросил одежду на полать и кинулся к ушат, подхватывая набухший кровью рушник.

- Беда же какая, - запричитал холоп, вымывая рушник. - Напасть, это всё леший, он попутал, точно он. Истинно говорю, ещё когда по чашобе шли, видел, как тень пронеслась меж крон, а потом в кустах сверкнули глазищи круглые, зелёным огнём прожгли, - холоп бросил рушник.

Тот плюхнулся в воду, разбрызгивая по полу красную воду, а Твердош сцепил пальцы кольцами да к лицу своему бледному поднёс, изображая глаза здоровые.

- А зубы с палец, клац! Возле да самого уха, чуть голову не откусил! Так и лёд по телу, а потом и ты, Мирослав Светославович, завопил, я дух-то чуть и не испустил.

И так он смешон был, холоп этот, что Мирослав хотел было захохотать, да не смог, сил не хватило, и только хмыкнул дураку неразумному:

- Хорошо, что не обделался.

- Леший это всё, княжич. Надо его задобрить.

- Уже задобрили, глянь, кровящи-то сколько человеческой по лесу разлито. Пировать ему всё лето круглое.

Твердош таращился во все глаза на обессиленного княжича, вовек не видел хозяина своего таким жалким. Длинные жилистые руки холопа безвольно повисли вдоль тела, а потом вдруг это тело рухнуло на колени, и завыл служба душераздирающе:

- Что же мне от князя, батюшки твоего, будет? Что есть, убьёт! Сгубил тебя, Мирослав Святославович, не сберёг я!

Однако чудён был холоп, Мирослав даже позабавился. Это что ж получается - служба этот мнил из себя охранника княжеского сына? Смешно, ничего не скажешь.

- Кожу сдерёт, бороду вырвет. Ты живи, княжич, главное, держись. Можя за помощью мне? Дюжа далеко же не ушли, поди рядом будем, я по реке-то, что рядом журчит, и выйду.

- Ага, выйдешь прямо к татам в зубы, как раз пополудничают тобой, не побрезгуют - это я тебе обещаю. Река эта, олух, ведёт прямо в сердце леса, - напомнил Мирослав.

- Если ты, княжич, помрёшь, то я прямо камень на шею и в воду...

Мирослав сделался серьёзным, прожигая холопа безродного гневным своим взглядом. Невыносимы княжичу малодушие и трусость, так что он зубами закрипел, а на душу омерзение легло. Кнута рядом нет, а то бы он огрел холопа беспутного по хребту до крови. Но ныне у княжича сил не имелось не то, чтобы за кнут схватиться, даже чарочку поднять - и то не смог бы.

- Помолчи, - только и прошипел Мирослав сквозь зубы. - Голова заболела от тебя. Сопли пускаешь, как баба, как молокосос сопливый... замолчи или сам тебя утоплю, а прежде бороду выдеру.

Твердош так и захлопнул рот, задрожали губы.

- Прости, княжич, - холоп снова упал, стукнувшись лбом о пол.

- Недаром тебя Твердошом прозвали, лоб, как орех, твёрдый, так и пол им испортишь, - усмехнулся княжич.

- Прости тугодумца несчастного, брешу я почём зря, от страха не разумею ничего.

Мирослава заворотило, и ком дурноты подступил прямо к горлу.

«Вот мука-то! - взмолился только княжич, закатив глаза. - И так мочи нет, ещё этот дурак».

- И дёрнул меня леший взять тебя, - злость придала Мирославу немного сил, он попытался подняться.

Встать удалось, и он направился к выходу.

- Ты куда, княжич?

- Воздухом подышу, тошно мне от тебя, - проговорил он ослабшим голосом.

- Боги, не оставьте, смилуйтесь... - затараторил Твердош, но Мирослав его больше не слышал.

В глазах полетели чёрные мухи, а клеть попыла, адли княжичу всё же удалось устоять на ногах, благо успел он ухватиться за косяк дверной рукой здоровой. Вышел на порог, не забыв пригнуть голову, чтобы не садануться о притолоку. Нет, притолока не низкая и вполне себе высокая, но Мирослав привык, что балок в каждой простолюдинской избе ему приходилось остерегаться из-за своего высоко роста, коим он пошёл в отца, князя Святослава. В хоромаш - иное дело. Дверные проёмы не только высоченны, но и широки. Избы тесные, аки[2] игрушечные, только для челядинцев, которые привыкли по делу и без дела гнуть спину да лбом пол бить, от того они и рождались малорослые.

Солнечный свет обжёт глаза. Княжич огляделся. Мохнатые сосны с вётами в бахрому заслоняли старенький обветшалый сруб. Вряд ли в таком жили молодые, тесно больно, а печь топили по-чёрному. Мирослав понял это по одному лишь запаху, коим наполнилась клетушка. Скорее всего, жильё скудное бабки какой али старицы, волхвицы или отшельницы. А то, что жила женщина в нём, Мирослав не сомневался, угадал он верно, приметив топор у плетня, нарубленные дрова - горка небольшая... да и рядом со ступой пучки льна и крапивы, никак ткать что собралась хозяйка? А одежда выстиранная и рубаха с воротом лодочкой да с широким рукавом, висевшие на задворках, только женщине и принадлежат. Княжич посмотрел под ноги. Вокруг полынь не скошенная поднялась в высоту пояса, тоже неспроста, злых духов отгоняет трава эта.

Мирослав подумал и не припомнил, чтобы в краях здешних, вокруг Кавии, селились волхвицы. Те всё в лес уходили да поглубже, в чащобы и буреломы непролазные. Подальше от людей, поближе к духам, дабы силы свои колдовские проявлять да костры возжигать, и не только светлых, но и тёмных богов прославлять, жертвы им приносить. Но не кровавые жертвы, коими пугали отроков малых, чтобы те в лес одни не бегали, а жертвы бескровные. Но то если

добру и свету поклонялись жрецы, а те, кто кривде - уходили ещё дальше, селились в скалах и пещерах. А потому княжич решил, что всё же отшельница жила в избе ветхой.

Кем бы ни была хозяйка, княжич возжелал, чтобы поскорее явилась она. Посылать холопа за помощью безрассудно. Глупый, заблудится да и сгинет. А самому возвращаться - только на корм зверям лесным идти.

Княжич посмотрел на руку. Кровь текла, но теперь не так яро, как миг назад.

«Подожду, авось Дарён спохватится младшего-то, да в поиски кинется».

А может Мирослав и сам ещё оправится. Чего раньше времени панику наводить, ведь проклятие проклятием, но сухим из воды выходил.

«И в этот раз выйду».

На порог высунулся Твердош. При дневном свете видно стало, что у бедолаги от переживаний в лице ни кровинки нет, так можно и за нежить принять.

- Княжич, вернись назад, в тень-прохладу. Лежать тебе надобно, да и волки могут на запахах крови сбегаться.

Мирослав обернулся, чтобы отправить холопа обратно в избу, но тут мохнатые ели покачнулись. Небо и земля неожиданно завалились набекрень, опрокидывая княжича навзничь.

Очнулся Мирослав от того, что его кто-то хлопал по щекам, да так увесисто, что возмутился княжич, однако из горла вышел лишь сдавленный стон.

Он с трудом разлепил ресницы и сквозь туман различил белое продолговатое пятно, которые медленно, но приобретало ясные очертания. Вскоре он узнал своего кровного брата Дарёна с русыми, до плеч, как у него самого, волосами и такими же серыми глазами.

- Слава Богам, очнулся, - выдохнул старший княжич. - Какого лешего ты в лес попёрся? - накинусь он тут же, не дав Мирославу прийти в себя.

Княжич проморгал и поднял голову с подушки, да только не удержал, бессильно уронил обратно.

- Голова раскалывается...

Гневно сверкнули серые глаза Дарёна на брата, будто не поверил он словам младшего.

Мирослав повернул голову набок, выхватывая взглядом в вечерних сумерках раскалённую печь у двери. И тут же ощутил духоту, а весь он покрылся липкой испариной. Густо пахло травами. Княжич разжал и сжал кулак. Вернулась прежняя чувствительность. Царапина его на плече ладно перевязана была белым лоскутом, на котором не виднелось ни следа крови. Однако рубахи ему так и не нашлось в избе.

- Как же ты меня отыскал? - спросил он у Дарёна хриплым голосом.

- Пёс твой прибежал, я и понял всё. А там по следу, - буркнул Дарён.

Мирослав и запомнил, что брал с собой Лохматого, а тот, по-видимому, кинулся за помощью, как только хозяин напоролся на сук.

- Умный же пёс, - улыбнулся княжич. - А Твердош где?

- Твердош на улице ждёт.

- Оставь брата, княжич. Пушай отдохнёт, сил наберётся, - услышал Мирослав женский с хрипотцой голос и обратил взгляд на дверь, ожидая увидеть старую каргу с седыми паклями, но...

... Мирослав сглотнул, различив в дверном проёме молодую статную женщину немного старше его самого. Отшельница усмехнулась и отвела жгучие чёрные глаза свои, которые горели так ярко, что напомнили Мирославу звёзды. Она прошла вперёд и бросила на лавку выпачканное кровью тряпье.

- Княжич, ты испортил все мои рушники, теперь только выбросить их в топку...

- Я возьму убытки, - сказал Мирослав.

Уж он-то знал, как. Черноокая отшельница весьма неплоха собой. Весьма. Высокая, пышная грудь, узкая талия, покатые бёдра. Очень даже неплоха. И одна в лесу. Странно...

- Как звать тебя? - спросил Мирослав, позабыв о том, что рядом с ним Дарён.
- Веденея, - ответила она сразу.

Мирослав приподнялся, скидывая с груди тяжёлую руку Дарёна.

- Во рту пересохло, жарко тут у тебя, хозяйка. Принеси воды родниковой, - попросил Мирослав, не выпуская из-под своего пристального взгляда отшельницу.

- Не расплатишься со мной, княжич, - лукаво сверкнули глаза Веденеи, но к порогу отступила.

И стоило ей уйти, Дарён с гневом кинулся на Мирослава.

- Ты что вытворяешь?!

- Что?

- Я тебе сейчас скажу, ЧТО! - Дарён поднялся с лежанки во весь свой аршинный рост, заметался по маленькой клетке, прямо как тот дикий секач, которого Мирослав, если бы не злосчастный сук, завалил бы.

- Припомни, что отец наш с поклоном по соседним княжествам разъезжал, едва ли не в ноги кланялся князьям местным, всё невесту тебе выискивал, - серые глаза с золотистым отливом яростно сверкнули на Мирослава. - А всё ради чего? Чтобы ты чуть ли не с каждой бабой кувыркался? Курощуп ты проклятый, ты княжне всё семя своё должен отдавать, своей невесте!

Почему-то оскорбления Дарёна не разозлили и даже не обидели Мирослава, напротив, он внимал словам старшего и веселился, а может, радовался он вновь обрётённой силе.

- А разве отец мне не нашёл точно такую же деревенскую бабу... - Мирослав запнулся. Конечно их подслушивала Веденея, но он княжич и может говорит всё, что захочет, на то он и княжич, а правда - она и есть правда. - Из глухомани деревенской, тоже мне девица благородных кровей. Ничем она не отличается от остальных девок, те же... - Мирослав руками изобразил женскую грудь.

- Ну и дерзок же ты, и борз! Одурел ты совсем от своего про... - Дарён тоже запнулся, плотно сжав зубы, да так, что желобки заходили на широких скулах его. - Не ты сам виноват? Не трогал бы дочку ведуньи, не было бы никакого... наказания. Женился бы на девице родовитой и богатой.

- Хочешь сказать, дарёной кобылице в зубы не смотрят?

- Дурак ты! - только и ответил Дарён. - Между прочим, говорят, невеста твоя из Зеленолесья, острога Калогоста, красива, что белая лилия, глаза зелёные, волосы, что небо ночное. Ты сам не упали перед ней лицом в грязь, выглядишь убого.

Веденея не спешила. Или не хотела прерывать спор княжичей.

- Всё, подымайся, нечего валяться! - Дарён подступил и столкнул Мирослава с лежанки.

Силён был старший княжич, хотя Мирослав ловко справлялся с ним на поединках. Сейчас же был слаб и слетел с перины, как пушинка. Мирослав начал злиться, а когда такое случилось с ним, за себя княжич не отвечал. Дарён редко позволял себе распускать руки в отношении младшего, а тут словно с цепи сорвался. А всё из-за баб, больно сердобольный стал.

- Мой тебе совет, не срами отца. По-хорошему тебя прошу. По этой же глупости ты силы своей мужской лишаешься. Одумайся, - Дарён устало провёл широкой ладонью по лицу. - Ладно. Леший с тобой. Нечего лясы точить в чужой избе. Пошли, - пихнул он к двери Мирослава. Стянув с себя кафтан бархатный, кинул брату на плечи. - В божеский вид тебя привести ещё нужно, как за невестой поедешь своей? Чего глядишь, глаза вытаращив? Едет твоя Ладушка, скоро в Саркил прибудет, и мы должны поспеть к следующему дню.

В дверях тут же появилась Веденея.

- Смилуйся, княжич Дарён, - склонила голову отшельница и посмотрела на него большими чёрными омутами. - Куда же ему на ноги, не окреп поди ещё, ляжет по пути, сердечко-то слабое ещё.

- Ничего, он здоровый, как бык, выдержит, и так весь день светлый тут провалялся, - потеснил Дарён отшельницу, не поддаваясь её уговорам и подталкивая Мирослава к порогу, обернулся. - Благодарствую, хозяйка, что приветила и выходила, за то в долгу не останемся, щедро награжу золотом и мехами, завтра же.

- Да куда мне золото?! - всплеснула Веденея руками. - Беду насыщать? А если тати прознают? Не нужно мне ничего.

Дарён не стал возражать и вышел в след за Мирославом, хлопнув за собой дверью.

- Зря ты так, ведь хороша баба, я б её... - подразнил брата Мирослав злорадства ради.

- Попортил бы я тебе, братец, лицо малость. Но не стану, боюсь, невеста твоя засмеёт.

[1] Растопча - разиня, олух.

[2] Аки - употребляется при сравнении кого-л. с кем-л. или чего-л. с чем-л., как, подобно.

ГЛАВА 4. Жених и невеста

*Разбудила, растревожила
Да дверь открыла
Кроткая моя подруга Ночь.
Во двор водила.
Там на камне у ручья,
Где молчат грозы,
Тень кручинилась одна,
А с нею звезды.*

Alkonost

ГЛАВА 4. Жених и невеста

Алое солнце, словно тлеющий уголёк, медленно угасало, закатываясь за окоём леса. Сизые сумерки охватили величественный город Саркил, что возвышался на крутом берегу над лентой зеркальной воды. Громадный деревянный тын имел башни-вежи, высилась и колокольня, в случае тревоги били в набат. Уже три капища встретила Влада по пути. Впрочем, она с матушкой не раз ездила на ярмарку к стенам города. Правда, в самом детинце не довелось побывать ей. Но сколько себя помнила, стольный город всегда покорял могуществом и величием. По сравнению с её родным острогом Калогостом, гнездом перепелиным, Саркильская твердыня представала перед Владой гнездом соколиным. Посад же открывался взору россыпью построек, раскинувшихся по берегу беспорядочно. Ближе к стенам - избы жилые, с амбарами, хлевами, срубами, а у кромки реки громоздились клетушки ремесленников. Пристань полнилась ладьями с красными и белыми парусинами, а сети рыбацкие, как паутина, по берегам раскинуты. Повсюду горели костры, и дым, поднимающийся над городищем, сгущался в небе туманным смогом. Звенели кузни, лаяли собаки, блеяли овцы, слышались людские голоса, и, вместе соединяясь, рождали один единый гул. И от этого всего необъятного голова пошла кругом, да и притомила Владислава с дороги. Непривычная она находиться в седле так долго. Хорошо, что к ночи успели прибыть. Она уж и не чаяла прилечь отдохнуть.

Князь Будевой так и не обмолвился с Владой словом, на привалах не удостоив дочь даже взгляда. И сейчас пустил коня вперёд всех, подгоняя вереницу, спеша поскорее добраться до родного порога. Весь путь Владислава наблюдала его ровную стать. И теперь смотрела, глаз не сводила. Чёрные волосы чуть ниже плеч взбивал ветер, ворошил корзно, плащ хлопал по крупу мерина. Влада даже немного свыклась с тем, что сопровождает князя, но ещё не приучилась называть Будевою, этого сурового, грозного воина отцом. Вот в кого у неё угольные волосы. Обычно у калогостовских косы льняные, пшеничные или золотистые, как мёд. Даже русалки имели шелковистые светлые пряди. Но у Влады же они чёрные, словно всё дурное ушло из её крови и напитало косу.

Владислава смотрела на Будевою и думала обо всём этом. Она могла бы прочесть заговор, чтобы отец повернулся, но усилия лишь истощали. Да и нужен ли ей его взгляд? Совсем нет. Так даже спокойнее, что он в стороне от неё.

Владислава вспомнила о княжиче Мирославе. Мысли о том, что вскоре она распустит свою девичью косу и разделит её на две, принесла неподвластное Владе волнение, обжигающее и холодящее одновременно. Теперь она будет мужняя... А ведь в Саркиле иная традиция

сватовства, нежели в Калогосте. И традиция чуждая Владе. Жених не должен видеть невесты, как и невеста - жениха. Так было заведено среди боярской знати и богатых княжеских родов, и связывали своих чад по равенству. Если жених богатый, то и невеста должна быть не нищенкой. Строго соблюдалась чистота крови. Байстрюков[1] не признавали. А значит, не стоило ждать ей одобрения со стороны, добровольной сговоренности и добрых напутствий.

Да, видимо, правда Будевой был влюблён в матушку, раз захотел взять её под венец, переступив всякие коны...

И знала Влада, что сердца молодых не всегда по любви скреплялись узами, коли жених и невеста виделись лишь в день торжества, а точнее в ночь, когда уходили на брачное ложе. Только тогда молодец снимал с лица девицы плат... Поэтому между девицами и юношами редко разгоралась любовь. Если терпеливы, проживут друг с другом год другой, обвыкнуться, то возможно, с годами придёт. Видимо ждала её та же участь.

Владиславу пробрала зябкая дрожь, но то не от холода, который, впрочем, уже обнимал за плечи, а от волнения.

В родном же остроге девицы и юноши сходились по обоюдному сговору. На Купалову ночь заранее влюблённые договаривались, как бы им вместе через купальский костёр прыгнуть, венок успеть надеть прежде, чем это сделает другой, или из хоровода ловчее и быстрее выдернуть ладушку свою. Всё по доброму согласию, всё в срок, иначе боги прогневаются и накажут. И только после ночи любви многие пары, скрепив свои чувства огнём, водой, небом и землёй, шли под венец, да не сразу, а к зиме старались ближе. А за то время ожидания невеста сама шила себе платье свадебное, и это обязательная для неё задача. Вначале зимы и свадебку гуляли, как раз в день покрова, когда земля-матушка белым инеем покрывается, словно невеста. Когда встречаются осень с зимушкой - благодать для крепких уз. Греют в холода морозные друг друга жених и невеста любовью страстной, она от того только крепче становится. Старейшина Славибор так и говорил, кто в покров свадебку шумит, тем сама удача сопутствует, богиня Лада покровительствует, неся молодым лад, мир и любовь.

А тут... до купальской ночи далеко, а она, Влада, уже мужняя. Всё Владиславе не по её было. Не так, как мечталось ей, не по обычаю и традиции, не по её воле, не по зову сердца, а всё с ног на голову. Сама не своя и не сознавала она, что кругом творится, нет времени даже обдумать всё хорошенько, хотя было - по дороге, но назло внутри Влады пусто и холодно стало, как на поле в заморозки.

Руки Владиславы быстро похолодели, а лицо наоборот полыхало огнём, словно она у печи жаркой. Под сердцем леденело всё сильнее в предчувствии встречи с княгиней Будевой и дочерьми его. Может, князь по благоразумию поступит и не покажет дочь свою? Да и княжич, когда приедет? Или же в хоромах он уже, ожидает?

И так ей не по себе стало от дум беспокойных, что пропустила Влада, как подобались они к самым воротам дубовым. Тогда огляделась она, но в потёмках мало что увидела, солнышко румяное давно опустилось. Кругом тени построек, высоченные хоромины в два, а то и в три жилья, с высокими крыльцами и лестницами. Издали они казались не так громадны и мощны, нежели вблизи. Миновав их, вся княжеская свита въехала на обширную площадь. Замелькали факелы, залаяли цепные псы, засуетились слуги. Князь вернулся! И вернулся не один, а с дочкой своей... Стража в бурых кафтанах забегала вокруг князя, все при оружии, с секирами, топорами.

- Приехали, - пробасил кто-то рядом.

Владиславу подхватили сильные руки ратника и опустили наземь. Она пошатнулась, не чувствуя тверди под собой, ноги стали будто тряпичные. Тут же рядом оказались Млада и Квета, лица бледные, напуганные. Неужели Влада также выглядела?

Не успела она опомниться, как их окружили девки дворовые, княжеская челядь. Ждали их, давно ждали. Влада выпрямилась, силясь показать себя совсем не уставшей, но неожиданно

перед ней выросла, словно скала, тень, разогнав челядь одним лишь своим грозным видом - князь. Он приблизился к дочери. Та хоть и старалась держать себя в руках, да только ничего у неё не вышло, руки задрожали, а ноги так и вовсе отнялись. И чего так бояться?

Хмурый взгляд Будевая пал на грудь Влады. Князь протянул руку и взял за шнурок оберега, что волхв Оногость повесил ей на шею.

- Луница, - заговорил князь. - Дарит его хозяйке мудрость. - Будевой хмыкнул и поднял взгляд обратно на Владу. - Завтра придут из Кавии князь Святослав с сыновьями, сватами, дядьками да побратимами, вся свита будет в сборе. Смотри, чтобы на глаза не показывалась. В день этот в светлице сиди с девками своими, пока я не позволю выйти. Как раз и отдохнёшь с дороги, и сил наберёшься. Поняла?

Влада только кивнула. Хотя князю подобает и ответить, но она не смогла совладать с волнением своим. Будевой будто понял это и не стал больше пытаться, выпустил оберег из рук, но отступать не спешил, оглядел внимательно, пристально, напряжённо.

- Ты на мать свою похожа. Хотя волосы черны, как мои... Не обманули волхвы, красивая у меня дочка... - сказал князь Будевой и улыбнулся сухими губами. - Устала с дороги?

Влада так и обомлела, не ожидала от князя добрых слов услышать. Всю дорогу он молчал, словом не обмолвился, а тут спрашивает такое. Чёрная борода, подстриженная клином, затемняла лицо, что даже улыбка его выглядела мрачно. А вот суровые глаза на миг просияли, адли тут же потемнели и стали как прежде, озимовые.

- Немного, - только и ответила Влада.

Будевой глянул на челядь так, что люди, поняв его посыл, приблизились, подхватили Владу и помощниц её, повели к хороминам на крыльцо высокое. Поднимаясь по громадным ступеням, Влада обернулась напоследок и, выхватив взглядом внушительную фигуру Будеоя, поймала задумчивый взгляд его...

Владу с Кветой и Младой разлучили.

- Со слугами ночевать не пристало княжеской дочери, - объяснила молоденькая, как и её Квета, служанка с косой, обрезанной по грудь, и бедным лицом с голубыми глазами. - Пусть отдохнут, в себя придут, умаялись поди с дороги-то дальней, да и тебе княженка быстрее бы в тёплышко, в постельку пуховую. Я уже всё приготовила, всё ждёт тебя, и водичка живительная, умоешься с дороги, усталость снимешь, и яства сочные, проголодалась небось? Меня же кликай Званой, - говорила челядинка увлекая Владу по лестнице.

Миновав широкие двери и пройдя горницу, оказались ещё в одной, но более широкой и богатой, чем первая. Влада не успела рассмотреть всё, да и при тусклых огнях свечей невозможно многое охватить. Заметила лишь, как всё нарядно и богато: столбы резные, расписанные цветами да травой диковинной, узорами чудными, Владе неизвестными. Пройдя двери со сводчатой притолокой, мимо стола длинного, поняла Влада, что трапезная это была. Поднявшись по лестнице на верхнее жильё, оказались они в одной из башен терема, где находились девичьи опочивальни. В одну из них и вошла Влада вместе со Званой.

Слава богам, не столкнулась она с княгиней, перевела дух, но вместе с тем от переживаний и усталости валилась она с ног, так бы и прилегла, забывшись сном.

Просторную опочивальню с низким потолком и широкими оконцами освещали две толстые свечи. Звана не обманула Владу, и правда ждал её накрытый стол с яствами в посудине не деревянной, как в её родном остроге, а серебряной, с чарами драгоценными чеканки тонкой. И перина взбита облаком на высоком, весьма широком ложе. Рубаха ночная с кружевами на перине разложена. И как ни гостеприимен был князь и заботлив, а всё Владе чужое, чуждое ей: и запах воска, и стены красочные, и окна со ставнями, и посуда богатая. И хотя жили они с матушкой сыто и в достатке, да куда убранство такое богатое, привыкла Влада довольствоваться необходимым, теперь только переучиваться.

Звана усадила княженку за другой стол, на котором зеркало в половину Владиного роста и ларцы разные. Принялась разбирать убор головной. Сняла венец, скинула кисею, распустила косу тугую. Голова сразу лёгкой да невесомой сделалась. Челядинка ленты, обереги и украшения, какие были на Владе, все разложила в ларцы. А платье Влады сняла ловко да быстро, видимо управлялась девка и с дочерьми князя. Оставив Владу в одной исподней рубахе, подвела к лохани с водой.

- Баньку завтра же к полудню стоим, как выплещешься, княженка. А сейчас уже поздно, анчутки защекочут.

Влада умылась в лохани с травной водой. Звана обмыли ей ноги, тщательно вытерла, передела её в чистую исподнюю рубаху, и пока это всё происходило, глаза Влады начали слиться.

- Поешь немного, Владислава Будеовевна.

Влада даже занемела, не привыкшая, что её так кличет челядинка, растерянно взглянула на девку.

«Княженка Владислава Будеовевна... Чудно», - фыркнула Влада. Но нужно привыкать, теперь она не только обавница из русальего рода, а и девица знатных кровей. И как-то неловко ей сделалось внутри, тесно.

Усаживая за стол Владу, Звана сорвала вышитый рушник с горшка, из которого тут же потянуло сладкой пареной репой. Есть Влада хотела, но только больше двух ложек так и не смогла проглотить, не до еды ей.

Неожиданно в дверь кто-то постучал. Внутри княженки всё и оборвалось, затряслось, забилося. Кто же пришёл? Княгиня, али дочери её? А она не собранная, простоволосая!

Однако Звана оставалась спокойной.

- Ну, чего надо? - спросила она небрежно, что удивило Владу сильно.

Дверь приоткрылась, и из-за неё выглянула круглощёкая девка с толстой косой, концы которой обрезаны были, как конский хвост. Влада заметила, что у всех молоденьких девок были обрезаны косы. Странно, с чего бы? Неужели ради того, чтобы как-то отличать служанок? Так это же какая беда, с косой-то расстаться!

- Тут княженку Владиславу просят увидеть, - обратилась холопка к Владе.

- Кто? - спросила она твёрдо, а у самой так и задрожало всё внутри.

- Две путницы, чужеземки, говорят, калогостовские они. Назвались Купава и Полеля.

Влада так и осела на лавку, уронив ложку к ногам, которую она держала в руках всё это время.

- Как?

- Почём мне знать княженка, - хмыкнула девка. - Так что? Звать али прогнать?

- Нет, что ты! Зови.

«Вот, значит, что замыслили подружки милые, - усмехнулась про себя Влада, - ну, хитрицы-лисицы! А я-то думала, осерчали они на меня, плутовки».

Щекастая холопка нырнула обратно за дверь, а вскорости в опочивальню зашли Купава и Полеля. Влада, подпрыгнув с лавки, кинулась к подружкам. Как же рада она была видеть их, что даже обняла и расцеловала каждую в щёки.

- Да как же? Из дома, одни? Да не испугались? А родичи что скажут? Знают ли, где вы? Ох, да что же оставили их? Да девкам молодым... одни в пути, как же стражу-то прошли? А татей не испугались!?

- Не одной тебе ворожить, - тут же отозвалась Полеля, но Купава больно пихнула подругу локтём под бок, заставляя притихнуть.

- Да погоди ты вопросы свои задавать, - обратилась к Владе посерьёзневшая Купава. - Поговорить бы нам, отдохнуть с пути-дороги, поесть... - Купава медленно скосила глаза в сторону Званы, давая понять Владе, чтобы челядинка поскорее оставил их наедине.

Влада, вспомнив о холопке, встрепенулась.

- Более мне помощь не нужна, сама справлюсь, - сказала она немного резче, чем ей хотелось бы, и, смягчаясь, добавила. - Спасибо за всё, Звана.

- А как же гости? Расположить бы их.

- Здесь они останутся, заночуют подле меня.

- Хорошо, княженка. Коли что нужно будет, кликай.

Звана поклонилась в пояс и благоразумно скрылась за дверью, плотно прикрыв её за собой.

Полеля и Купава тут же, как только ушла челядинка, схватили за руки Владу и наперебой зашептали:

- Владка, обманули тебя, запутали.

- Жених-то твой из Кавии, Мирослав Святославович, говорят, что проклят он.

Внутри Влады так и упало всё.

- Как проклят?

- А вот так.

- А Князь Будевой за тебя, за невесту из рода русалочьего, плату высокую получил, не сколько-нибудь, а пуд золота, - прошептала Полеля, хмуря светлые брови, вытаращившись на Владу.

- Да погоди ты! Не это главное, - шикнула на Полелю Купава. - Княжич, может, и не проклят, но, говорят, в походы не ходит, никуда не ездит, за стенами сидит, в общем, недужит он болезнью страшной.

- Недужит? - растерянно проговорила Влада, даже не зная, что страшнее из этого.

- Да проклят он, - передёрнула Полеля.

- Занедужил! - фыркнула подруга.

- Да какая разница, всё одно, - смирилась Полеля, не выдержав напора грозной Купавы.

- Влада, ты нужна ему, что бы проклятие то снять. Сказывают, что только обавница из русальего рода это и может сделать. Святослав по всем весям искал такую деву много месяцев, с осени! Вот и нашёл. Ой, доля-то твоя горькая, Лада-богородица, за что такое несчастье, - заголосила по-бабьи Полеля.

Купава только свела рыжеватые брови и, скрестив руки на груди, терпеливо молчала.

- Слухи это всё, не правда, - отрезала Влада, отказываясь верить. - Оговор. Зависть чужая.

Владислава даже не могла понять, что больше её огорчало - что Будевой продал её, словно рабыню на торгу, или же что свяжется она узами неразлучными с проклятым княжичем? И то и другое выше её сил и понимания было.

- Мы тоже не поверили. Но князь-то тебя неспроста искал. Сам за тобой поехал. Подумай, Владка, зачем ему это сейчас? Мог и ранее тебя найти.

- Да только не нужна ты ему была... - подхватила Полеля, которая не скупилась на лишнее словцо.

Отвернувшись от подруг, Влада часто и глубоко задышала. А она-то напридумала себе... обомлела, обрадовалась слову доброму. Как дура, помчалась с князем, возомнив о себе невесту что. Владе сделалось дурно, так и подступил ком, и съеденная каша грозилась оказаться на подоле рубахи.

- Влада, что делать будешь? - позвала Купава и коснулась легонько плеча её.

- Понравились нам витязи. Мы-то за тобой и поехали, следом твоим. Малюту купца просили, чтобы с собой на ладью взял, а там люди торговые, по городам странствующие, они-то и поведали всё, - запричитала Купава.

- Как же жить с проклятым-то? - вставила Полеля. - Жуть какая.

- Ну, чего молчишь, Владка? Скажи хоть слово! Что делать станешь?

- А что сказать? - ответила Влада приглушённо. - Воля князя - она для всех равна, против неё не пойдёшь. Если убегу, то накажет матушку он. Коли из-за злата всё, значит души в нём нет, и сердце у него чёрное.

- А как же княжич Мирослав? - всхлипнула разволнованная Купава, будто не Влада под венец идёт с проклятым, а сама она. - Что у него за проклятие-то такое страшное, что волхвы извести не могут?

Влада повернулась, медленно перевела взгляд на посмирневшую Полелю и расстроенную Купаву.

- Завтра вся знать Кавии приезжает, и княжич этот... Для начала погляжу на него. И узнаю, какое на нём проклятие и есть ли оно вообще.

- Добрый хороший человек проклятым не будет ходить, значит, прогневались на него светлые боги, - не успокаивалась Купава. - Ох, беда...

- Может, поворожить, через Велесово око на него посмотреть? - вдруг предложила Полеля.

И Влада загорелась, а мысли лихорадочно так и зароились в голове. Зеркало есть, свечи есть, травы... травы, можно Звану кликнуть, принесёт. Нет, погоди ж...

Княженка нахмурилась.

- Не выйдет. Толку не будет. Так проклятие не почувствуешь... зеркало искажает всё. Отражение мёртвое, тепла не передаст. Да и ворожить в хоромы князя, когда рядом дочери его, жена... Нет, дождусь зари. А там виднее будет...

Влада глянула в окно, за которым сгустилась темень непроглядная, ни зги не видать. Слишком устала она, чтобы думать, всё навалилось разом, и тяжело стало на душе, что дышалось с трудом ей.

- Вы, наверное, проголодались с дороги, - обратилась она к притихшим подружкам. - Вот тут еда ещё не остыла, садитесь. Ночуете здесь, со мной. А завтра я князю скажу, что со мною вы останетесь, - княженка прошла к ложу своему.

- А если не согласится? - испугалась Полеля.

- Согласится, - твёрдо ответила Влада, опустившись на воздушную перину, и задумалась крепко.

[1] Байстрюк - внебрачный ребёнок.

ГЛАВА 5. Сборы

*Собирались на битвы жестокие
Славных ратей ладьи крутобокие -
Дрогнет враг пред стальной дружиною,
Лишь пройти бы тропой лебединою.*

Alkonost

ГЛАВА 5. Сборы

Перед свадьбой жениху по обычаю положено сидеть всю ночь в бане. Мирослав парился один, в полном молчании. Топить пришлось тоже самому, ибо никто в эту ночь не должен его тревожить.

Поворошив кочергой угли, княжич плеснул на раскалённые камни ковш кваса. Тот зашипел, обволакивая Мирослава густым, горячим паром. Бессильно рухнув на лавку, покрываясь потом, он закрыл глаза. Но дремать нельзя, не то исполосует нежить вениками берёзовыми до смерти. Кожу сдерёт, забив ей щели пола.

Мирослав сдёрнул повязку с плеча, открыв глубокий порез, который начал затягиваться. Сильная Веденея знахарка. Перед внутренним взором предстали чёрные глаза отшельницы, такие проникновенные и палящие, как эти самые угли в печи, и по телу разлилось неистовое вожделение. Сюда бы её, на лавку. Желание не утихло и подбрасывало самые откровенные образы. Он представил отшельницу, окутанную в белый влажный пар. Вообразил налипшие волосы на плечах и лице её, испарину на лбу, пышную белую грудь, бёдра... и вскоре от таких мыслей плоть потяжелела.

Мирослав фыркнул, вспомнив о своей невесте. Даже совестно стало.

«Ладно, о Веденее подумаю потом», - обязательно заглянет в избушку после свадебного гулянья и отблагодарит как следует отшельницу... Негоже ему ходить в долгу.

После четвёртого пара, за миг до восхода Ярилы-солнца, Мирослав покинул баню, не забыв оставить щёлока, воды и веник банникам и лесным духам. Они тоже весьма не прочь попариться. Оставаться ему здесь уже никак нельзя: забросают углями огненными или, чего лихого, кипятком ошпарят.

Облачившись в предбаннике в холщёвую рубаху, надев порты с узкими голенищами, княжич вышел на крыльцо. Небо просветлело, но за высоким частоколом не было видно занимающейся зари. Щебетали птицы, встречая Ярило, пролетали со свистом совы. Зябкая дрожь прокатилась по плечам Мирослава. Зори холодные, и так будет все зелёные святки, до купальских игрищ.

Мирослав, вдохнул полной грудью прохладу, так сладко пахнущую одурманивающей липой. Спустился с порога, возвращаясь в хоромы. Впереди суeta и долгие сборы в дорогу. К вечеру должны они поспеть в Саркил.

- Владислава, - ухмыльнулся княжич. - Посмотрим, что за пташка.

Мысли о будущей невесте завладели Мирославом, и теперь любопытство превышало все неудобства, которые ему предстояло пережить.

«Не терпится взглянуть на неё. Интересно, девственна она?»

Как повелось в ближних княжествах, если дева чиста, должна быть укрыта белым полотном, а на голове венок из кувшинок, олицетворяющий символ невинности.

Не то чтобы это Мирославу было важно, так, для утешения только. Хотя, слышан он, всякого. Случалось, если нет детей, то девка вольна делить постель с другим, чтобы потомство было. Муж не препятствовал, принимал новорожденного и растил как своего собственного.

Не понимал Мирослав отца. Зачем вся эта суматоха с женитьбой? Обязательно клятвы перед богами, обязательно ритуал, обязательно нерушимые узы. Зачем вот так сразу да под венец её? Можно обойтись и без торжества. Брал Мирослав не каждую, любил гордых и строптивых, которых безумно желал сломить и покорить. Таких, как Веденя... А соблазнить девку деревенскую - усилий не требуется.

Владислава и без венца будет жить в княжьем тереме, никуда не денется. Так нет же! Отец не успокоился на том. Чтобы всё честь по чести, мол, и так пора сыну усмириться. И Мирослав догадывался, что не без участия брата князь Святослав волю свою такую изъясил.

А Дарён, на десять зим старше Мирослава, и женился прошлой осенью только на дочке вождя Избора, который княжит в крепости Вяжер. Городище большое, прославленное корабельным плотничеством, мехами, тканями, кожей да коврами. Добро шло по реке Сегенее к стенам Кавии. Его же невеста Любомила поди не из дремучего леса, как Владислава, у которой из богатства коса только и есть.

Как княжич не сетовал, виноват сам. Дарён прав. Дочку проклятой ведуньи он получил на гуляниях осеннего равноденствия, не оттолкнул, взял. Вот и расплачивайся теперь.

Встречая по пути сонную челядь, поднялся на второй ярус терема, пошёл по узкому переходу, направляясь в горницу, где утром собрались родичи. Но тут из дверей выплыла Дана. И сами собой губы Мирослава растянулись в ухмылке. Прикрыв плотно двери и, ровно не замечая никого, холопка влетела прямо в его объятия.

- Ой, - пискнула она.

Мирослав стиснул в кольцо рук пышнотелую девицу, заглянул в карие глаза.

- Как неосторожно, - мягко поругал он холопку.

После долгой и удручающей ночи в бане это встреча была настоящим подарком.

- Пусти, - промурлыкала девка, румянясь, но сама не шибко пыталась вырваться.

- А если не пущу, что тогда?

- Закричу, - пригрозила она, стреляя карими глазками.

Вздёрнутый носик и глаза, как у лисы, хитрые, а волосы курчавые, непокорные, обрамляли весьма миловидное круглое личико.

- Жёнушка спуску не даст, найдёт управу, - болтнула девка и тут же осеклась.

С лица Мирослав улыбка сошла. Крепко сжав, и, наверное, больно, мягкое место чуть ниже талии, приподнял. Дана, не выказав и доли смущения, размякла и, осмелев, завела руки за шею княжича, прикрыла глаза. Мирослав, обжог дыханием её щёку, прильнул губами к шее. Холопка задрожала.

Он склонился к самому уху её, спросил:

- Ну, чего не кричишь?

Дана приоткрыла светлые ресницы. Мирослав улыбался ей.

- Беги, - опустил он её на пол, разомкнув руки.

Девица недоумённо хлопнула глазами, а затем поджала дрожащие губы, развернулась и припустила по длинному переходу.

Мирослав пихнул тяжёлые широкие двери, вошёл в залитую светом горницу и, только ступил на порог, сразу же столкнулся с суровым взглядом князя Святослава. Он сидел не один, а в кругу приближенных бояр и Дарёна, который прожигал глазами младшего. Мирослав готов был побиться об заклад - Дарён догадался, что произошло за дверью.

Матушки не было, да и княжны Дарёна Любомилы, той самой наследницы Вяжера.

Пройдя по пёстроу ковру, Мирослав поднялся на ступеньку, где на площадке простирался длинный стол, выстеленный белой скатертью. Подхватил корчик и зачерпнул сбитня, глотнул питья, в нос ударил пряный душок, смесь гвоздики с корицей.

- Не умаялся в бане? - подтрунил Дарён.

- Нет, - буркнул Мирослав небрежно, буравя взглядом брата, допил остатки сбитня. Никак старший так рассерчал из-за отшельницы, что теперь только и знает, поддеть как.

- Совсем ты его разбаловал, отец, - посмеялся княжич.

Мирослав упал на лавку напротив брата.

- Будет тебе, Дарён, - пробасил Святослав. Голос его был грудной, что гром в утробе неба.

- Должны сдружены быть, плечо подставлять, помогать, а вы грызётесь что волки. Ты, Дарён, старший, терпеливее будь, опекай, куда брат силы не наберётся.

Дарён взглянул на Мирослава, серые глаза его морозно блеснули. О том, что вчера произошло, Дарён не сболтнул, и на том спасибо.

Утихшая горечь снова всколыхнулась в груди, напоминания Мирославу о проклятии и о том, как пьёт оно из него последние жизненные соки, медленно, но верно подводя к чертогам Нави.

Святослав поднялся, прошёл к широким, во всю стену, сводчатым окнам. За ними простирался детинец и полкняжества Кавии. Князь, будто каменный утёс, стоял неподвижно и шурился на восходящее солнце, вглядываясь в голубые дали. Густая копна горчичного цвета волос окаймляла загорелое, что глина обожжённая, лицо. Дарён пошёл в отца, Мирослав не так широк в плечах, как старший, но супротив заматерелого брата, имел чуть большую ловкость да хваткость. Но так было до того, как проклятие пало на княжича... Стоило помахать мечом, усталость одолевала его. Едва ли мог дотерпеть до окончания схватки, валился с ног он.

Бояре сидели молча и в задумчивости, для Мирослава они что дядьки родные, не скрыта от них закаятая тайна о том, что младший наказан ведуньей лесной.

Чернобровый Верша сидел угрюмый. Рыжебородый Батура наблюдал за братьями, попивая добрый пенный мёд. Мешко с золотистыми кудрями, с широкими скулами и карими глазами, хмур. Рядом Пасмур, самый старший из бояр.

Мирослав обратил вопросительный взгляд на отца. О чём они тут разговаривали без него?

Святослав будто услышал мысли сына, повернулся к нему.

- Веренги разбили лагерь в чащобе. Где таятся, не ведомо. Ищем. Но пока с пограничья никаких вестей. И времени у нас нет, что бы охотиться на них. После полудня в Саркил отправляемся.

- А вдруг засада по пути? - поднял Пасмур тучный взгляд на князя.

- Туда мы налегке, быстро управимся, отобьемся, если что, но назад, с невестой... - встрял Верша, напряжённо сцепив руки в замок. - Коли знали бы, где сидят поганцы, по пути-то перебили бы.

Дарён перевёл взгляд на Мирослава, а потом повернулся к князю и сказал:

- Соберём дружинников больше, да и не посмеют враги напасть на нас, а коли число их не множественное, то и вовсе опасаться нам нечего.

- Будем верить, боги не оставят нас. Перед дорогой дары им преподнесём, попросим пути лёгкого, - заключил Святослав. - Ладно, - развернулся он к собравшимся боярам. - Надо в дорогу собираться и до темна прибыть на место.

ГЛАВА 6. Ожидание

*А из чужбины летят-торопятся,
Ой, птицы белы, да к гнёздам брошенным.
И только ты, тоской не скованный,
В родиму сторону взор не воротишь.
А я ищу тебя в земле пустынной,
А я зову, да нет ответа мне.
Так и уйдут все годы мутны-вешни,
Так ждать тебя я буду без конца.*

Alkonost

ГЛАВА 6. Ожидание

Взгляд Влады кротно скользнул по собравшимся женщинам, облачённым в одинаково серые домотканые платья без всякой вышивки. На головах их накидки тёмные, косы спрятаны. Спала Влада плохо, можно сказать, не спала вовсе, а лишь погружалась в беспокойную дрему и каждый раз выныривала с именем того, кому скоро будет принадлежать она. А потому голова её была тяжёлой. Не понимала толком, к чему понадобилось князю Будевою устраивать свадебные обряды для неё.

Влада успела выхватить на лицах тёток у кого грусть, у иных удивление, у других сожаление... По утру, когда Звана собирала Владу в такое же безликое платье без всяких украшений, успела кратко рассказать, что так положено - мол, когда девица под венец идёт, женщины собираются и поют тоскливые песни по уходящей девичьей молодости. Невеста прощается со своим беззаботным детством. Становится молодой княжной. Ещё Зване зачем-то понадобилось узнать, невинна ли Влада. Холопка сказывала, что это нужно для того, чтобы подобрать венец...

Владислава уронила взгляд на свои руки. Пальцы мелко дрожали. Не радовал её этот обычай. Тётки, сидевшие перед ней, буравили её глазами. Все они знали, кто такая Влада - нагулянная дочка князя, которая идёт под венец к проклятому княжичу. Они ведали это. И осуждали. Родной отец отдаёт дочь без всякого сожаления, без тени смущения. А она, дура, пошла, доверилась.

Сердце Влады снова зашлось тоской и такой глубокой, что и без песен готова она была разрыдаться. Но наперекор всему, всё естество её воспротивилось. Вернуться бы к матушке в родной острог и жить прежней жизнью. Так же сбегать тайком в лес, а по вечерам жечь костры и петь песни с подружками. Так же водить хороводы и ловить влюблённые взгляды сыновей кузнеца Микола Станислава и Перко...

Хорошо, что хотя бы дозволили Владе оставить рядом с собой Купаву и Полелю, их Звана тоже облачила в бледные платья-рубахи. Как ни странно, никто не высказывал протест против их появления в детинце. Князь Будевои так и не появился за утро. Нынче засветло Звана принесла яства в опочивальню. Князь Владу не позвал в трапезную к столу. Да если бы и позвал, она отказалась бы, но малая толика обиды грызла её.

Теперь она здесь, в этой маленькой клетушке, тускло освещаемой квадратным оконцем, прорубленным под самым потолком, и не видит разыгрывающегося дня, не слышит трелей жаворонков.

Купава и Полеля, сидели тихо и мало что понимали. К тому же им было в диковинку находиться в княжеском тереме. К его просторам и красоте привыкать понадобится не одну

седмицу. В Калогосте невеста с утра прихорашивалась и до заката гуляла под заиндепевшими берёзами с подругами, водила хороводы, пела песни у реки. А здесь, в стольном городе, иной обычай, как сказала Звана - невесте нужно плакать перед свадьбой, чтобы жизнь с суженым была счастливой.

Песнь затянула самая дальняя в углу сказительница, протяжно и проникновенно, вытягивая Владу из дум. Следом подхватили остальные тётки. Сердце Влады забилось часто...

Не гром гремит во тереме,
Не верба в поле шатается,
Ко сырой земле преклоняется
Милое чадо, благословляется,
Ко златому венцу идёт...

Долго пели сказительницы, то тихо и мирно, то громко и тревожно, а сердце с каждым словом-былицей тяжелело, сдавливалась грудь, и тело Влады становилось чугуном. Когда же голоса их возвышались, казалось, до самого вешнего неба, разбивая купол его, тогда привычный мир внутри Влады рушился, и душа уносилась туда, где не было ни радости, ни света, а лишь холодная непроглядная тьма.

Как только песнь стихала, и на миг сказительницы замолкали, Влада возвращалась в клетушку, пропитанную запахом полыни, тогда дыхание её становилось порывистым и глубоким. И вместо необъятного холода внутри разливалась горячей рудой тоска. Тоска по дому. Пред внутренним взором Влады раскинулись голубые лесные дали и реки кристальные, исчезающие в молоке тумана, леса, дубравы, ощутила она деревья, с которыми вела долгие разговоры. И как наяву услышала шелест крон, щебетание лесных птах. Влада вновь вдыхала влажный, пропитанный запахом мха и росы воздух, и морось собиралась на подоле её платья, а по плечам прокатывалась волнительная зябь. Она смотрела сквозь лица тёток, сквозь стену, увидела взгляд далеко, в просторы, привычные сердцу. Воспоминание о родной стороне принесло покой. Теперь казалось ей, что не случилось с ней ничего, и князь Будевой не продавал дочь, и не отдаёт в жёны проклятому княжичу...

Глаза Влады оставались сухи. Не разжалобили, не растрогали песни-былицы тёток-певуний, то ли дело подруженьки. Бледные сидели, поникшие да зарёванные, но звука никакого не издавали, плач их выдавали алмазы русальи, что катились по щекам румяным серебряными дорожками. Им-то что реветь - с волей не прощаться. Тоскливы былицы сказительниц, за душу берущие, только не желала Влада смириться с кручинной судьбой. Не желала и всё. Но что она может сделать?

На сердце сделалось пусто, как в русле пересохшем. Подумала об отце. Неужели матушка так иссушила душу Будевою, что не дрогнуло сердце его, когда плату брал он за неё? Ведь видела Влада, как глаза его на миг, но оттаяли...

Мирослав... Купава вчера сказывала, что о проклятии княжича поведал торговец Малюта. Как же матушка-то не увидела? Или видела наказание чёрное, да ничего не сказала...

Влада очнулась, когда поняла, что давно сидит в глубокой тишине и смотрит в пол, а женщины зашуршав платьями, поднимаются одна за другой и медленно выходят из закутка. На плечо мягко легла чья-то рука. Она обернулась.

- Владка, нам идти велено, - сказала Полея сдавлено, держа крепко за руку Купаву, у обоих глаза красны.

Влада оглядела опустевшую клетушку, в дверях Звана терпеливо ожидала. Встретившись с ней взглядом, холопка подступила ближе.

- Одной тебе побыть надобно княженка... А подружек твоих я отведу в баньку, топится уже, я веники приготовила, вехотки[1] махровые, да бадьи широкие. За тобой опосля вернусь.

Звана повлекла прочь Полелю и Купаву. Они молча вышли, прикрыв за собой дверь, оставляя Владу одну в некой оторопи. Подобрал ноги на лавку и уткнувшись лбом в скрещенные руки на коленях, она закрыла глаза. В ушах повисла звенящая тишина. Как не хватает ласки матушки, добрых слов волхва Славибора и старейшины Огоноста. Как же легко она пустила Бudevоя в сердце. Князь не соизволил прийти, не соизволил сотрапезничать вместе... Она здесь совсем чужая, брошенная, никому не нужная...

Сколько так просидела, Влада не помнила. Так бы и осталась тут до самого вечера, да только уединение прервал шум за дверью. Влада подняла голову и быстро опустила ноги на пол. В этот самый миг тяжёлая дверь отворилась, пуская в закуток густой дневной свет. Владу охватило оцепенение.

Видные девицы выглядели статно. Княжна, что была повыше в росте своём, гордо подняла подбородок и поглядела на невесту свысока. Коса, что смола чёрная, лежала на груди до пояса, на голове красовался девичий венец, украшенный яшмой. Значит, тоже сосватана. Глаза под широкими бровями горели сурьмяной рудой, хитон из парчи тяжёлый струился до колен, а из-под него платье, цветами расшитое. Вторая княжна видом ярче, волосы у той полове[2], светлее, и глаза серо-голубые, тонкий нос, багровые губы, слегка надутые, как будто обижена княжна кем-то. А в косе лента с рясой жемчуга - тоже невеста молодая.

Вот и свиделись.

Владу проняла дрожь, так заволновалась. Не желала она встречи этой, а теперь деваться ей некуда. Чего они пришли? Что нужно от неё?

Влада расправила плечи, чтобы не выказать своего волнения.

- Понравились ли песни наших тётушек невесте из пущи лесной? - спросила чернявая княжна голосом скрипучим, для слуха неприятным.

Влада промолчала. Так вот чья затея была привести её сюда, к сказительницам. Она вспомнила разговор с Бudevоем - князь пообещал, что Влада отдыхать будет, и ни о каких певуньях речи не было.

Меньшая княжна растянула губы в улыбке, читая на лице Влады растерянность.

- Нет, не понравились, видать, - сказала со вздохом она. - Хотели, чтобы всё как по обычаю, как и должно быть у невесты. Может, хотя бы спасибо скажешь? Чего молчишь? Владислава, так тебя кличут?

- Так.

- А меня звать Грефина, сестрицу мою - Заряна, - сказав это, княжна прошла ближе.

Прошла важно, не спеша, поводя бёдрами... Опустилась на лавку легко, так же держала она ровно голову. Заряна пристроилась подле, во всём походя на старшую.

- Присаживайся, - поманила Владу Грефина, будто добродушно. - В ногах правды-то нет. Поговори со своими... сестрицами, - княжна улыбнулась сдержано, да только глаза так и насмехались.

Влада, усмирив волнение, села. Раз хотят поговорить, пусть говорят. Как не изводились они ревностью своей, она - дочка князя Бudevоя. Пусть ревнуют себе вдоволь, ей нет до них дела.

Грефина смотрела стеклянно, с малой толикой интереса, Заряна оглядывала Владу надменно и напыщенно, так, как это могли делать разбалованные княжеские отпрыски. Молоденькие от власти быстрее всех ум теряют, а вседозволенность сердца в дёготь обращает.

- Не успела явиться голубушка наша, а уже распоряжается, как у себя дома. Почему без дозволения нашего эти две... каких их там, Полеля и Купава... девки калогостовские ночевали под кровом нашим?

Ссору с княжнами накануне свадьбы глупо разводить, а потому Влада снова смолчала.

- Но ничего, батюшка ещё с ними разберётся, пестоваться с тобой не будет, не в его это нраве, - решила Грефина. - Я пришла, чтобы предупредить. Я ведь тоже под венец иду, слыхала

либо, но свадьба моя осенью справится. А ты, выходит, коли сестрица нам, вперёд средней под венец идёшь. Нехорошо это, не к добру. Плохая примета.

Влада слушала, но всё в толк не могла взять, к чему княжна клонит.

- Ты не подумай, я по доброте с тобой. Выходи себе на здоровье. Но только жаль мне тебя. По мне так лучше подожду свадьбы, чем с таким женихом под одной кровлей жить и постель делить, - фыркнула Грефина.

Влада опустила глаза.

- Бедная, жалко мне тебя. Всю жизнь тебе терпеть его придётся. Княжич Мирослав, женишок, охоч до юбок бабских. Их у него, как рыб на нересте. Ах, ты ж не знаешь, поди! Не наслышана, жила в глухом остроге своём и ничего не ведаешь о княжиче с дальних земель. А тут в городе только и говорят о его распутстве, поэтому батюшка здесь тебя держит, в стенах, чтобы ты не расстраивалась понапрасну, - всплеснула Грефина руками и сложила их на подоле хитона, заглянула Владе в глаза. - Княжич Кавии Мирослав Святославович за блуд бесчестный получил наказание от ведуньи Ясыни, за то, что он с дочкой её на осенних игрищах переспал, а жениться не захотел.

Влада провела языком по сухим губам. Ясыни... отдалось в голове, будто это имя желало пробиться сквозь толщу её неверия, да так и не смогло.

- Такое проклятие на княжича наслала, аж на девять поколений вперёд! И здоровье его попортилось, что Мирослав Святославович даже в походы ходить перестал, в стенах сидит. Но ты же из рода древнего будешь. Хворобу и хмарь-лихоманку изведёшь, сможешь. А вот блуд извести, коли в крови это, сможешь ли?

В клетушке повисло молчание, и только видела Влада стеклянные глаза Грефины, и душно стало, в жар кипучий бросило. Взгляд княжны давил, из-под власти своей не выпускал. Вырваться и бежать, бежать, куда глаза глядят, подальше от Саркила, да всё через елани[3] да перелески. Но только стены кругом, не выйти так просто отсюда. Никто её больше уже не отпустит. Попалась, как куница под рогатину. Не попалась, сама далась.

Но матушка про княжича ничего плохого не сказывала, и верит Влада ей, а не этим двум важным девицам.

- Врёшь, - ответила Влада, пронзая ту зелёными глазами.

Грефина хмыкнула, вздёрнула подбородок.

- Не заблуждайся, голубка и помни, с кем речи ведёшь. Что мне врать, какое мне дело до тебя. Просто пожалела глупую. Всяко у нас кровь одна, батюшкина. Вот и поделилась тайнами, да видно зря. Девка ты пригожая, скромная, не взбалмошная, удивила ты меня, так что не чета тебе князь распутный...

Влада отвела глаза.

- Вот теперь ты всё знаешь, а там думай сама, стоит ли тебе за такого идти. Но право, чего тебе опасаться? Коли обавница, сможешь беду отвести. А если нет... - княжна подалась немного вперёд. - Помогу тебе сбежать.

Влада обратила на Грефину твёрдый взгляд, у той сухая ухмылка играла на лице. Не жалеть княжна пришла, а посмеяться, себя превознести в беде Владиной. Глаза Заряны ликующе сверкнули, рада была, что удалось достать до самой души.

«Не нужна их забота!»

- Сама разберусь, - ответила Влада, отрекаясь от помощи княжны.

- Ну, как знаешь. Дело твоё, - выпрямилась Грефина, глаза блеснули льдом, видно редко ей кто отказом отвечал.

Княжна передёрнула плечами и неспешно встала, расправляя бархатные складки хитона, поправила косу, пригладила ленты.

- Раз не желаешь слушать меня, будь по-твоему, гулять будем да песни вечером петь весёлые, теперь только радоваться да плясать, жизнь твою новою прославлять, невольную.

- Нет. Не надо мне гуляний, и ничего не надо, - отрезала Влада.

Княжна фыркнула.

- Звана баньку истопила, попарь тело своё белое, для муженька своего, да косы вымой хорошенько, а то дымом все пропахли. Свидимся ещё, - сказала только Грефина и, поманив за собой Заряну, удалились.

Обиделась...

Не успели княжны уйти, как тут же на пороге явилась Звана.

Влада глянула на холопку исподлобья. Негодница, рассказала, что подружки вслед за Владой пришли. Доверять знать той не стоит - всё передаст княжнам.

- Владислава Будеовевна, за мной ступай, банька растопилась уже, - скромно поклонилась Звана, видно чуя вину перед Владой.

Покинув тёмную, душную клеть, которая успела стать темницей, Влада пошла вслед за холопкой по переходам длинным да всё через сводчатые двери. Ненадолго она забылась, украдкой осматриваясь, так, чтобы холопка не заметила её удивления. Над головой потолки расписные в узорах, под ногами ковры мягкие, пёстрые, которыми устланы деревянные полы хором. Никто по пути не встретился: ни знатный боярин, ни челядь, будто намеренно Звана подгадала, чтобы молодую княжну тайком от глаз чужих провести.

Выйдя из терема через узкие потайные двери, ступили прямо на широко крылечко. Спустились со ступеней дубовых, да напрямик через хозяйский двор, бегом почти, пошли да за калитку. Влада по дороге только и успела глотнуть воздуха свежего, да солнцу молодому, Яриле, порадоваться, дню ясному, безоблачному. Только утро светлое в хоромах, а уж истосковалась по свободе и простору.

Звана не дала надыхаться, дёрнула за собой, за плетень скорее. Нырнули в душный натопленный предбанник. Холопка наспех стащила платье с Влады, распустила косу длинную и мягко подтолкнула в парную.

- Заходи, княженка, а я сейчас, водицы только колодезной наберу, чтобы приготовленная на улице стояла, потом обольёмся ей, и прибегу, - сказала она и захлопнула дверь в предбанник.

Влада постояла, привыкая к месту незнакомому, чужому, всматриваясь в пар пуховый, но стен так и не разглядела, баня-то громадной оказалась. Прошла вперёд, сквозь прозрачное облако, и тут заметила она белые фигурки златовласой Полели и рыжей Купавы. Те, завидев её на пороге, так и кинулись к ней, побросав ковши да веники.

- Владка, хорошо-то как здесь, - блаженно протянула Полеля. - Пару-то сколько!

Влада не ответила ей, опустилась на мокрую лавку и закрыла лицо ладонями. Всплеснулся в памяти болью разговор неприятный. И яд княжны так и разъел душу Влады, едва не заплакала она.

И зачем рассказала Грефина про блуд княжича, про Ясыню? Или больнее только уколоть хотела? Прогнать с порога?

- Владка, ты чего? - погладила по плечу Полеля, опомнившись первой.

- Да будет с этими песнями, забудь. Погоревали и ладно. Чего ты так убиваешься?

- Ко мне княжны приходили, - Влада убирала с лица руки, откидывая густые волосы за спину.

- Кто?

Купава и Полеля уставились на неё в удивлении.

- Дочери князя Грефина и Заряна.

- Да ты что?!

- Вот почему спровадили нас из клетки так быстро, - возмутилась Купава, упираясь кулаками в широкие бёдра.

- А разве их не трое?

- Трое, самая старшая уже в другом княжестве. Грефина, средняя, выходит, сосватана, венец носит. А Заряна ещё в возраст не вошла, но тоже уже сговорено всё, у неё лента в косе.

- И что они хотели от тебя? - пролепетала Полеля, присаживаясь рядом с Владой.

- Ничего. Узнала я от них, за что именно проклят Мирослав.

Подруги переглянулись.

- За что же? Говори скорее, не томи! - встряхнула Полеля за плечо Владу.

- Наказала его Ясыня-ведьма.

Купава так и окаменела, не шелохнувшись. Полеля охнула.

- Ясыня сильная ведьма, - протянула задумчиво Купава.

Все знали, что живёт ведьма вверх по реке Сегнее, далеко на запад от Калогоста. Слава о ней по всем землям разнеслась. Ясыня служит как светлым богам Прави, так и тёмным - Нави.

- Так за что же она да княжича? - выдохнула Полеля.

Влада обратила на неё взгляд, в этот миг глаза её были темны, как никогда.

- За то, что на игрищах княжич распустил косу её дочери, а под венец не повёл.

Полеля снова охнула и, вскинув ладонь к лицу, коснулась щеки. Купава с хмурым видом осмыслила сказанное, уставившись в пол.

- Да уж... Мирослав Святославович, что же он совсем своей головой не думал?

- Думал, Купава, княжич ни одной юбки мимо себя не пропускает. Видимо сами боги его наказали, подослав ему Ясыню.

Дышать из-за пара становилась всё тяжелее, на лбу и шее проступил пот. Калёная печь палила таким жаром, что голова Влады закружилась. Говорить уже не было сил.

- Что же делать? А Омелица, как же она не увидела такое, ни словом не обмолвилась? - не уразумевала Купава. - Погоди-ка, а не врут ли княжны из зависти?

Влада подняла глаза.

- А что? Ты-то вон какая ладная да красивая. Не приревновали тебя к власти своей да к отцу Будевою?

- Может, и врут, но как теперь узнать?

Купава приблизилась и, наклонившись, подняла подбородок Владиславы, прошептала:

- Так проверить нужно. Вечером застолье, а после гости отдыхать с пути будут...

Полеля перехватила за запястье Купаву и тряхнула.

- Ты говори толком, чего задумала?

И Купава, опасаясь, что их подслушать могут, зашептала ещё тише:

- Княжич ведь из нас никого не знает, в лицо никого не видел, вот пусть кто-то и заманит его, проверим, что за гусь.

- Ну, узнаю, что блудливый... - пожала плечами Влада, - ...от того ли не горше мне станет под венец с таким идти?

- Владка, ты вроде из рода русальего, а совсем глупышка. Когда его подловим, отчитаешь отворот, больше ни на одну девку княжич не глянет.

С души Влады камень-то упал, она вмиг как будто и воспрянула духом.

- А верно ты, подруга... - прошептала Влада.

Заговор этот можно только до женитьбы провести. И лучше поторопиться.

- Одной бедой меньше, - улыбнулась Полеля. - А кто пойдёт из нас?

- Владе, понятно, нельзя. Пусть княжич не видел её, но так она может и от себя его отворотить.

- Вот ты и иди, Полелька, - встряхнула мокрыми рыжими кудрями Купава, стряхивая капельки воды, - у тебя лучше соблазнить получится, болтушка та ещё, тебе проще. Главное чтобы ты прикоснулась к нему, а Владка отворотит, заговор прочтёт.

Полеля хмыкнула, и на лице её обида нарисовалась.

- Полеля, тебе-то справней будет, - согласилась Влада, а у самой внутри-то всё так и сжалось.

- Хорошо, только ради тебя, - ответила та.

- Наверняка ночевать в другой половине будут, наверняка в бане будут париться, вот тогда-то и подловим княжича. Никуда он от нас не денется.

Влада закусил губу, сдерживая радость, но где-то всё равно, глубоко в душе, грыз червячок сомнения. Неправильно это как-то. Но если не заговорить сейчас, то потом после скрепленных уз, уже поздно будет.

- А вы чего не паритесь? Печь-то поди прогорела! - воскликнула Звана с порога.

Холопка разобралась и тоже опростоволосилась.

- Ох, чего пугать так? - выдохнула Купава, но разошлись по лавкам, оставляя Владу.

- Ложись-ка, княженка, - Звана обмакнула берёзовый веник в ушате с кипятком, другой рукой зачерпнула ковш воды, плеснула на каменную печь. Пар поднялся клубом, окуная Владу в недра седого тумана, погружая её в блаженство, растворяя все тягости, скопившиеся в каждой пяди её тела.

Влада легла на живот, откинув волосы в сторону. Ещё со вчерашнего дня она мечтала о баньке. Снова вспомнился Калогост. Там, на родной земле, Влада была сильной и уверенной. Куда всё подевалось? Она обавница, и сила в её руках. Раз шлёт ей Макошь долю нелёгкую, с достоинством должна принять и сделать всё для своего счастья.

Три раза подружки выскакивали во двор, огороженный высоким забором, и обливались ледяной колодезной водой, визжа и смеясь. От их веселья легко и спокойно делалось на душе Влады. Будто и не было горестных песен, расстраивания и тяжёлой встречи с княжнами. Влада думала о Мирославе...

Хороша затея Купавы, но горько будет узнать, если Грефина не соврала, а правду всю сказала. Вот бы узнать это...

...Поди ж Званка всё знает, живёт-то в хоромах и наслышана обо всём.

И пока подружки резвились и шумели на улице, Влада приподнялась и хотела было окликнуть холопку, да вовремя спохватилась. Как она будет выглядеть в глазах челяди - невеста, спрашивающая о постыдном? Легла обратно на лавку, но Звана всё равно откликнулась.

- Княженка, ещё веничком или парку?

- Нет, не нужно. А хотя, пару ещё подбавь.

И Влада снова погрузилась в туман, так что дыхание спёрло, но мысли о княжиче не покидали её. Поглядеть бы на него хотя бы глазком одним, может быть и поняла бы всё сразу, разобралась. Была бы матушка рядом, дала бы она совета верного. Хотя Омелица тоже ворожила на князя... Но то другое дело, то на разлуку. Влада же желала истиной любви, без ворожбы. Выходит, не держит она своего слова...

После бани Звана отвела всех трёх девиц обратно в опочивальню. Ярило уже палил в зените. Полуденная тишина окутала хоромы и весь детинец. Воздух будто замер, и казалось, что вокруг ни души, а только пели птицы, стрекотали кузнечики, изредка выкрикивали петухи. Влада сидела у окна, делая маленькие глотки горячего отвара, обжигая язык и нёбо. Вдыхала сладкий запах травяного сбора: грозди клюквы и румяные ягоды ещё недозрелой земляники плавали в её чаше. Влада поглядывала вниз, в открытый двор, на который намеренно въехала вместе с князем Будевоем.

Завтра пред ликами богов она даст клятву и свяжет себя нерушимыми узами с княжичем Мирославом. Поедет в город Кавию. Какая ждёт её жизнь там, так далеко от родной стороны? Калогостовские говорили, что на востоке больше всего лютует враг, потому как Кавия находится ближе к Вяжеру, самому крупному торговому городу. А потому, помимо налётов татей, совершались в тех краях грабежи и разбойничество.

Будет там как затворница. Вот такая ждала её доля.

Влада усмехнулась. Так хотелось любви, а получила гулящего княжича с проклятием в придачу. Вспомнила, как не желала она смиряться с этим. Однако, успокоившись, подумала, что всё и не так уж плохо. Ведь помимо жизни с Мирославом есть ещё народ и её матушка, и родная земля, о них стоит думать и беспокоиться. Влада твёрдо решила, что для начала она отведёт от княжича девиц, а потом разберётся с проклятием, которое наслала Ясыня. При мысли о ведунье по спине прошёлся леденящий холодок...

Влада просидела долго, пока Ярило не начал скатываться по небосводу к горизонту, погружая лесные дали в сизый сумрак. А внизу, в трапезной палате, уже поднялся такой шум, что было слышно даже наверху, в женской половине терема. Не ровен час князь Святослав пожалует на порог с сыном, суженым Влады, и всей княжеской знатью Кавии. Оставалось только догадываться, что внизу накрывали богатый стол для гостей. Однако двор ещё пустовал. Влада поймала себя на мысли, что ждёт княжича... И внутри разыгрывалось такое волнение, что она, сама не своя от переживания, то сидела на месте, то подходила к окну, без конца выглядывала во двор.

Купава и Полеля лишь глазели на неё и всячески старались отвлечь, забалтывая невесту о разных глупостях. Но Влада их будто бы не слышала и более не отходила от окна. Когда же на площадке поднялся шум и суeta стражей и челяди, в воротах показались богатые червлёные кафтаны дружины.

Под сердцем Влады занемело, так бы и рухнула она наземь без чувств. Перед глазами стоял тот, кто в скором времени назовётся её мужем. Как бы не силилась Влада усмирить трепет и зябкую дрожь, да только ничего не выходило, а всё хуже делалось, пока её не затошнило вовсе.

Она будто провалилась во времени и не помнила, что происходило с ней, и всё пребывала у окна, наблюдая, как светило медленно закатывается за лесистые холмы. В опочивальне сделалось темно. Гости уже вовсю пировали, и их весёлый смех изредка докатывался до слуха Влады. Кто-то выходил из терема под небо, подышать свежим воздухом, кто-то заходил, иные смеялись в сторонке, лиц их с высоты башни не разглядеть, зато по одежде Влада хорошо различала знать от челяди. Звана, уже зажгла липовые лучины и принесла яства сочные: запечённых лещей с горохом, кваса хлебного и ягод лесных.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.